

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ДРЕВНЕЕ БАШЕННОЕ ОБЩИННОЕ ЖИЛИЩЕ

На территории Азии, Европы, Африки и Америки существовало в прошлом и сохранилось до наших дней укрепленное башенное жилище. На вопрос о его происхождении кратко можно ответить по известной римской формуле: кто? — оседлые племена на стадии общинно-родовых отношений; что? — строили укрепленные жилища; где? — в местах с благоприятными естественными условиями, обеспечивающими продуктивное земледельческо-скотоводческое хозяйство и географическую изоляцию; когда? — при длительно продолжающихся конфликтах военного характера; из чего? — из местных строительных материалов; как? — коллективно; зачем? — чтобы спасти от физического уничтожения род, племя, сохранить накопленные ценности и независимость существования.

Имеющиеся исторические и археологические данные, раскопки последнего времени указывают на большую насыщенность памятниками оборонного жилища территории Передней Азии и прилегающих к ней районов уже в эпоху неолита в местах, географически совпадающих с первичными очагами возникновения длительно оседлых земледельческо-скотоводческих поселений¹. Расселение происходило главным образом по холмам, предгорьям и отрогам гор, с затрудненными подходами к ним. Характерной является общая для всех племенных групп тенденция к самоизоляции, которую легче было осуществить, используя естественные преграды.

Крепостные сооружения, обнаруженные в Иерихоне и Палестине, относятся к VIII—VII тыс. до н. э. Круглая башня ($d = 9$ м) и оборонительная стена ($h = 6,5$ м) в Иерихоне строились еще в докерамическом неолите². Укрепленные поселения и отдельные дома в Южной Анатолии — Чатал-Гуок, Хасилар, Мерсин — датируются VII—V тыс. до н. э.³ Геоксюрская группа племен Южной Туркмении в IV тыс. до н. э. соорудила многочисленные укрепленные селения с оборонительными стенами и круглыми башнями задолго до появления первых городов в Средней Азии. Крепостное жилище IV—III тыс. до н. э. было открыто в Иране и за его

¹ Г. Ч а й л д, Древний Восток в свете новых раскопок, М., 1956, стр. 166, 286; Э. М а к к е й, Древнейшая культура долины Инда, М., 1951, стр. 61—63; Г. М. Б о н г а р д - Л е в и н, Г. Ф. И л ь и н, Древняя Индия. Исторический очерк, М., 1969, стр. 85, 91, 92; А. С. А м а л ь р и к, А. Л. М о н г а й т, В поисках исчезнувших цивилизаций, М., 1966, стр. 78.

² «Всеобщая история архитектуры», т. I, М., 1970, стр. 231, 233; А м а л ь р и к, М о н г а й т, ук. соч., стр. 75—76.

³ В. М. М а с с о н, Неолит Южной Турции. Археология Старого и Нового Света, М., 1966, стр. 162—168, 170.

пределами у северных предгорий Копет-Дага и в Афганистане ⁴. Сооружения оборонного характера были обнаружены в Индии в дохарашпскую эпоху и в люншанской неолитической культуре в Китае ⁵.

В Северной Месопотамии в V тыс. до н. э. доминировали поселения плотной структуры, состоящие из круглых в плане однозальных глинобитных домов типа толосов ⁶. Примерно в эту же эпоху, согласно новейшим археологическим исследованиям, такой же характер поселений с домами круглого и овального очертания в плане был распространен и на территории Южного Кавказа, причем в некоторых поселениях из соображений обороны входы во все дома представляли собой лазы 50 × 60 см, расположенные выше земли и пола жилища ⁷.

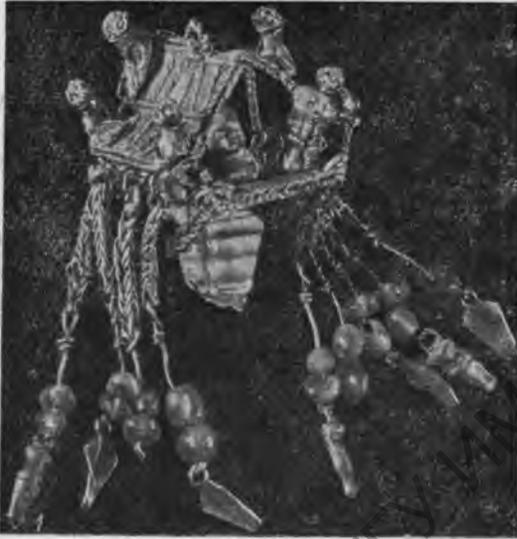

Рис. 1. Амулеты: 1, 2 — золотой амулет из Сванетии; 3 — глиняный амулет из Телль-Арпаччи; 4 — «символы хижин»

В Телль-Арпаччи кроме каменных толосов в слое, относящемся к халафской культуре, был обнаружен миниатюрный амулет в виде бревенчатой башни с двускатной кровлей ⁸, который имеет разительное сходство с амулетом, найденным в Грузии в сванской деревне Хаиши и датированным рубежом I тыс. до н. э. (рис. 1). И хотя обе модели разделяет период в четыре тысячи лет, они изображают аналогичные бревенчатые башенные дома с одинаковым небольшим расширением стен кверху, слегка вогнутыми двускатными кровлями и открытыми высокими фронтонами в торцах ⁹.

⁴ В. М. Массон, В. И. Сарнианиди, Каракумы, М., 1972, стр. 13; И. М. Дьяконов, Восточный Иран до Кира. История иранского государства и культуры, М., 1971, стр. 122 сл.

⁵ Бонгард-Левин, Ильин, ук. соч., стр. 91—92; Э. Маккей, Древняя культура долины Инда, М., 1951, стр. 30, 61—63; Амальрик, Монгайт, ук. соч., стр. 79.

⁶ Н. Мерперт, Р. Мунчаев, Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии, СА, 1971, № 3, стр. 164—165.

⁷ А. И. Джавахишвили, Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V—III тысячелетия до н. э., Тбилиси, 1973, стр. 13—37.

⁸ V. G. Child, New Light on the Most Ancient East., L., 1954, стр. 111 сл., 211, рис. 105, 4.

⁹ М. И. Джандиери, Г. И. Лежава, Народная башенная архитектура, М., 1976, стр. 36, 92.

В глухих безоконых стенах сванской башенки единственный проем-вход показан высоко приподнятым над землей — прием, сохранившийся в сванских башнях вплоть до XX в.

Амулет из деревни Хаиши указывает на широкое распространение башенного бревенчатого жилища в Грузии с древнейших времен. Следует предположить, что амулет из Телль-Арпачий отражает то же явление и что в Северной Месопотамии в V тыс. до н. э. бревенчатое башенное жилище было достаточно хорошо известно. Некоторые символы хижин из Месопотамии, как, например, глиняный символ хижины из Хамы (рис. 1, 4), имеют башенную форму¹⁰. Приведенные источники с несомненностью указывают на то, что башенное жилище получило развитие уже в эпоху неолита. Появление этой формы на исторической арене отдельных районов Передней Азии предшествовало процессу классовообразования и связано прежде всего с межплеменными, внутривлеменными и межродовыми конфликтами.

Из многочисленных типов жилища, существовавших на ранних стадиях общественных отношений, укрепленное жилище, и в особенности его башенная форма, выделяется тем, что обладает эффективными оборонительными возможностями, и именно это качество делает его социально активным и опасным для развития централизованных государственных систем во всем мире. Сосредоточение децентрализованных оборонных функций в руках большинства населения вполне было способно препятствовать консолидации племен или же, скажем, задержать процесс превращения общинников в рабов или крепостных. Закономерно, что массовое оборонное жилище уничтожалось всеми централизованными образованиями с древнейших времен и сохранилось лишь в условиях изоляции или в тех случаях, когда его существование (обычно на периферии, пограничных зонах) почему-либо отвечало государственным интересам. В непосредственной близости от мировых центров культуры древности — Двуречья, Египта, античных государств и вплоть до настоящего времени можно найти примеры сосуществования «городских цивилизаций» и групп племен, обладателей реликтовых форм «башенной культуры». О них сообщают многочисленные исторические и литературные источники, иконография, археологические данные и сохранившиеся памятники материальной культуры недавнего прошлого.

Появление укрепленного жилища в Египте относится к древнейшему периоду. Уже в энеолите существовали однозальные жилища, сначала овальной и круглой формы, а затем и прямоугольной. Оба приема впоследствии получили развитие не только по горизонтали, но и по вертикали. В додинастический период, начиная с амиритской культуры, постепенно закрепляется длительная оседлость, растут и богатеют поселения, и некоторые из них, возможно, уже носят укрепленный характер¹¹. В герцейский период на фоне возрастающих межплеменных и межродовых конфликтов появляются многочисленные укрепленные селения. И пока руками одних общин уничтожались местные крепостные поселения других общин, в стране, сначала в Верхнем, а затем в Нижнем Египте шла интенсивная консолидация различных племен, приведшая к созданию двух больших государств — Южного и Северного Египта. Исторический процесс вооруженных столкновений между укрепленными селениями находит отражение в предметах искусства¹².

¹⁰ S h i l d e, ук. соч., стр. 214, рис. 105, 1.

¹¹ S h i l d e, ук. соч., стр. 92—95; М. Э. М а т ь е, Искусство древнего Египта, М.—Л., 1961; она же, Искусство древнего Востока, М., 1968, стр. 6.

¹² Г. М а с п е р о, Древняя история народов Востока, М., 1911, стр. 11—17, 81—82, 103—105; S h i l d e, ук. соч., стр. 112, 114, 129, 130.

В плитках, появившихся в большом количестве к концу IV тыс. до н. э., символически изображается разрушение и покорение крепостных сооружений во время битв между общинами. Внутри каждой из крепостей написано ее название. Птицы и животные разбивают эти постройки мотыгами. Ассоциирование победоносных предводителей с образами зверей отражает рудименты тотемистических представлений, характерных для первобытнообщинных отношений¹³.

Шиферная плита фараона I династии Нармера ($h = 64$ см) сделана в честь победы Южного Египта над Северным и объединения долины Нила в единое государство. В одном из пяти сюжетов, расположенном внизу этой палетки, царь в образе быка разрушает вражескую крепость (рис. 2б).

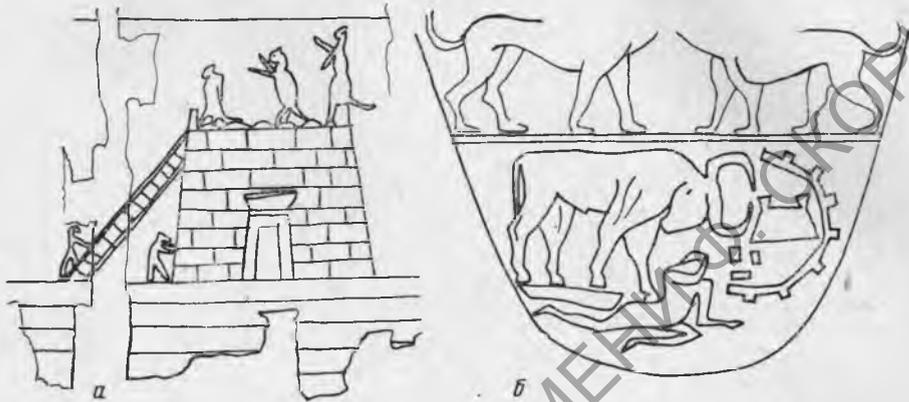

Рис. 2. Египет: а — фрагмент из туринского папируса «Война кошек с мышами»; б — один из сюжетов на плите фараона Нармера

Сцены уничтожения крепостей общинниками Юга показаны и на плитке быков¹⁴. Ценный материал для воспроизведения одной из форм башенного жилища содержится в рисунке, относящимся к Древнему царству. Он иллюстрирует войну кошек с гусями и мышами (рис. 2а). Мыши стоят на плоской крыше дома-крепости, куда ведет приставная, легко убирающаяся лестница¹⁵.

Сохранившиеся модели и рисунки египетских башен из Тархана (глина) и из Абидоса (слоновая кость) относили к зернохранилищам и фортификационным сооружениям (рис. 3.6б). Основным поводом для этих выводов послужило устройство входов в башни на большой высоте от земли, снабженных переносными лестницами. Но такой же прием решения входов был обнаружен в древнем башенном жилище Северной Америки и в других странах мира. Еще Шухардт, ничего, разумеется, не зная о сравнительно недавно открытых аналогах, классифицировал эти египетские башни как жилые, аргументируя это предположение рядом соображений¹⁶. В абидосских могилах был найден рисунок одной башни, с несомненностью указывающий на ее жилой характер. Изучая происхождение башенного жилища, Шухардт обратил внимание на древний египетский иероглиф для слова «замок», представляющий собой прямоугольник с маленьким квад-

¹³ М а т ь е, Искусство древнего Египта, стр. 19—21.

¹⁴ М. Э. М а т ь е, Всеобщая история искусств, т. I, М., 1956, стр. 77—78.

¹⁵ Д. Г. Р е д е р, Литература древнего Востока, М., 1971, стр. 33.

¹⁶ См. в кн.: С. W. С е г а м, The First American. A Story of North American Archaeology, New American Library a Mentor book, N. Y., 1972, стр. 170, 205, 226 сл., 327—334; Д ж а н д и е р и, Л е ж а в а, ук. соч., стр. 90—91.

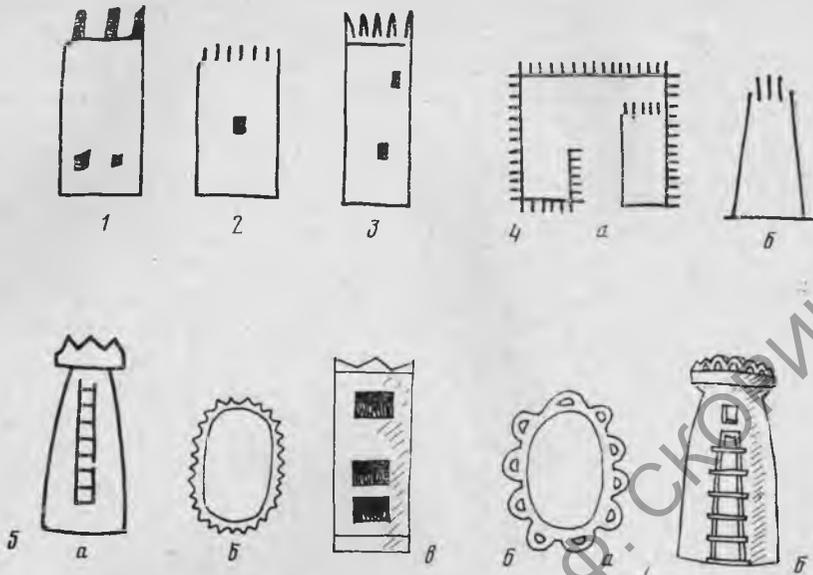

Рис. 3. 1, 2, 3 — иероглифы, обозначающие башенное жилище; 4а — иероглиф крепость; 4б — иероглиф башенное жилище; 5а, в — башенное жилище; 5б — иероглиф крепость; 6а — иероглиф крепость; 6б — абидосская башня

ратом в нижнем правом углу. Этот знак повторяет планировку укреплений, воздвигнутых на границе с Нубией около Абидоса при II династии (около 3200 лет до н. э.). Определяя эти крепости как жилища башни, он делает вывод о широком распространении башенного жилища в эту эпоху в Египте¹⁷.

В древнем иероглифическом письме Египта существовали знаки, прямо обозначающие оборонное башенное жилище. Так, на четырех знаках (рис. 3, 1, 2, 3, 4а), приводимых Питри¹⁸, башни венчают оборонительные элементы, и проемы-входы в башни расположены над землей. Упущенные при прорисовке двух башенных иероглифов проемы (рис. 3, 2, 3) восстановлены по фотографиям с подлинников, где эти проемы ясно обозначены. При сравнении некоторых фронтальных башенных иероглифов и крепостных, изображаемых в плане, приводимых П. Каплони и Х. Питри¹⁹, с моделью башенки из Абидоса бросается в глаза совпадение характера рисунков форм коронок башен и венчаний крепостных стен (рис. 3, 4—6). Аналогичное совпадение прослеживается и на палетке Нармера (рис. 2б). На одном из иероглифов (рис. 3, 4а, б) оборонный мотив, проходя по всему контуру стен крепости, прерывается в том месте, где в стену вставлена башня, и завершает ее коронку, не меняя рисунка. Предложение об активно оборонном характере башенного жилища, изображен-

¹⁷ H. Schuchardt, Ursprung und Wanderung der Wohnturms, Sitzungsber. der Preuss. Akad. der Wiss. Philosoph-hist. Kl., XXIII, B., 1929, стр. 437 сл., 440.

¹⁸ W. M. F. Petrie, The Royal Tombs of the First Dynasty, part I, L., 1900, табл. XXXI, 23, 29; XXXIV—XXXV; о н же, The Royal Tombs of the Earliest Dynasties, part II, L., 1901, табл. III, 4; V, 10; H. Petrie, Egyptian Hieroglyphs of the First and Second Dynasties, L., 1927, табл. XXV, 590; XXIX, 693.

¹⁹ P. Kaplon, Die Inschriften der Ägyptischen Frühzeit, I. Bd., стр. 364; III. Bd., Wiesbaden, 1963, табл. 134, 818; Петру, ук. соч., табл. XXV, стр. 581 сл.

ного на приводимых иероглифах, наглядно подтверждается присутствием таких элементов, как боевая коронка и затрудненный, приподнятый над землей вход. В дальнейшем эти иероглифы, принадлежащие к раннему периоду, исчезают, как и само массовое оборонное башенное жилище, по мере процесса объединения Египта²⁰.

Историко-географические условия в Передней Азии способствовали крайней раздробленности и неравномерности развития этого региона. И если в централизованном монопольном египетском государстве границы, протянувшиеся лентой вдоль Нила на тысячи километров, надежно держали на замке пустыни, то Двуречье, состоявшее из ряда государств, постоянно борющихся между собой, окружали горные территории, сплошь занятые воинственными племенами. Отражая эту сложную историческую обстановку, массовое общинное оборонное жилище рано исчезает с арены древнего Египта и сохраняется тысячелетиями в ряде стран Передней Азии.

Предположительно освоение земель в протошумерский период начали пришельцы с гористой местности, расположенной восточнее Тигра²¹. Пиктографический знак Шумера периода Джемдет-Наср, № 38 по Лабату (рис. 4, 1), определялся как стена с башней и означал поселение²². После пересмотра и уточнения этого знака в 1978 г. выяснилось, что в архаический и классический периоды знак № 38 означал дом с башней, знак

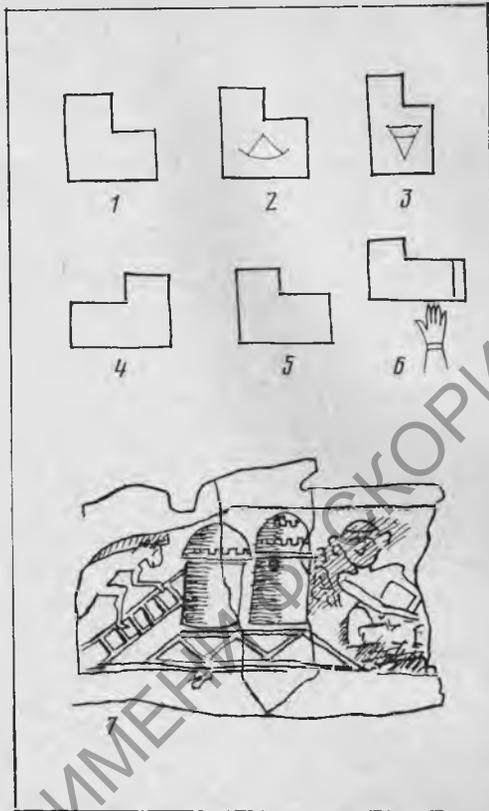

Рис. 4. Пиктографические знаки Шумера: 1 — дом с башней (№ 38); 2 — дом с башней и вписанным знаком корова (№ 43); 3 — дом с башней и вписанным знаком хлеб (№ 49); 4, 5, 6 — хеттские строительные иероглифы; 7 — «протоэламская печать»

²⁰ Определение иероглифов, обозначающих башенное жилище, проводилось при непосредственной консультации Ю. Я. Перепелкина, за что выражаю ему глубокую благодарность.

²¹ Childs, ук. соч., стр. 181.

²² R. Labat, Manuel d'épigraphie akkadienne, P., 1952, стр. 56, 138, 174. Прежнее чтение пиктографического знака № 38, стр. 56, означавшего по Лабату стена с башней следует изменить на дом с башней. В ассирийской и вавилонской форме вместо знака корова АВ, вписывается знак свет UD. Это искажение объясняется совпадением поздних начертаний знаков UD (стр. 174 по Лабату) и АВ (стр. 138 по Лабату). В архаическом же и шумерском начертании это совершенно разные рисунки. Внутри знака URU, изображающего дом с башней, первоначально бесспорно вписывался знак АВ — корова, а не UD — свет. Обычно знак URU предшествует названию города или общины, после названия часто ставят знак KI — земля. В классических шумерских текстах с названием городов гораздо чаще употребляется знак детерминатив KI — земля. Это служит указанием на то, что значение город было придано знаку URU позже. Проверка знака № 38 (URU) и изменение его характеристики было проведено И. М. Дьяконовым, за что автор приносит ему глубокую благодарность.

№ 43 (рис. 4, 2) — дом с башней, в котором содержится скот, знак № 49 (рис. 4, 3) — дом с башней, где хранится хлеб. Основанием для корректировки прочтения этих знаков послужили изображения аналогичных домов с башнями на рельефах из Ниневии VIII в. до н. э. и из Суз VII в. до н. э., сирийские башенные дома II в. до н. э. — IV в. н. э. и реликтовые формы башенных жилищ горных районов Грузии, датируемых XVI—XIX вв.²³ Следует заметить, что в форме древних хеттских строительных иероглифов (по Ларошу № 243—246)²⁴ четыре знака (три знака см. на рис. 4, 4—6) повторяют очертания дома с башней шумерского пиктографического знака (№ 38 по Лабату).

Важным источником, указывающим на распространение башенной формы в Двуречье, следует назвать текст поэмы «Мотыга и плуг» на клинописной шумерской табличке, где упоминаются жилые сельские башни. Текст этот относится к первой половине II тыс. до н. э. Но С. Н. Крамер, комментируя его, указывает, что записан он был на дощечку через 500—600 лет после создания «Героического эпоса», частью которого является поэма «Мотыга и плуг»²⁵. Жилые сельские башни, описанные в поэме, ассоциируются с аналогичными башнями, которые ставили на полях сельские жители в южных и юго-восточных районах Туркмении еще в XVIII—XIX вв.

Примером древнейшего изображения башенного жилища следует считать так называемую «протоэламскую печать» с изображенными на ней круглыми глинобитными башнями с боевыми коронками и куполообразными перекрытиями (рис. 4, 7). Она найдена в районе Двуречья и датируется около 3000 г. до н. э. — временем, предшествовавшим возвышению I династии Ура и характеризуемым эпохой военной демократии в Эламе. Многие исследователи определяют эти башни как зернохранилища, но это сомнительно, так как устройство боевой коронки с зубцами, идущими по всему периметру стен башни, могло быть оправдано только в том случае, если она являлась жилой или фортификационной. Предположение о специальном совмещении зернохранилища с оборонительными функциями маловероятно хотя бы потому, что жизненно важные продукты целесообразно держать либо у себя в доме, либо под защитой фортификационных сооружений, а не внутри них, где должны прежде всего размещаться сами обороняющиеся, а также крупногабаритные защитные элементы (камни, смола, вода, подогревающие устройства с топливом и т. д.). Надо думать, что и загрузка башни зерном через насыщенный боевой техникой оборонительный этаж была бы нелегким делом.

Однако вполне возможно предположить, что изменения в исторической обстановке могли привести к добровольному или насильственному уходу из оборонного жилища и тогда, если оно не подверглось разрушению, его могли использовать и под зернохранилище. На возможность этого косвенно указывает один из пиктографических знаков (рис. 4, 3), рассмотренных выше (№ 49 по Лабату), где жилой дом с башней при помощи врисованного знака *хлеб* превращается в зернохранилище. Тем более, что знак № 49 появился на два — четыре века позднее знака № 38, обозначающего дом с башней.

Все приведенные данные указывают на существование в додинастический период в Египте и Двуречье различных форм крепостных жилищ. И что особенно важно, изображение башенных жилых домов на «прото-

²³ Джандиери, Лежава, ук. соч., стр. 42, 43, 56, 59, 97, 141; они же, Архитектура горной Грузии, М., 1940, стр. 105, рис. 151; они же, Архитектура Сванетии, М., 1938, стр. 6, 52, 53, 57, 59.

²⁴ И. М. Дунаевская, Язык хеттских иероглифов, М., 1969, стр. 99 сл.

²⁵ С. Н. Крамер, История начинается в Шумере, М., 1965, стр. 98.

эламской печати», глиняная модель бревенчатого жилого дома, рисунок дома с башней на пиктографическом знаке из Шумера, сообщение о сельских башнях в клинописной табличке, иероглифы и модели, отражающие башенные формы жилища в древнем Египте, — появились в стадияльно совпадающее время первобытнообщинных отношений и формирования раннеклассового общества. Массовое башенное жилище исчезает в Египте, когда племенные вожди становятся фараонами. Процесс разрушения крепостных сооружений, принадлежащих общинникам, изображен на плитках, относящихся к концу IV тыс. до н. э. В Двуречье картина была значительно менее однородной. Племенные вожди, становясь царями, сохраняли в государственной системе общинное самоуправление. В этих условиях положение общинников и тип их поселений определялся конкретной политической обстановкой в стране. Так, после падения III династии Ура в Вавилонии II тыс. до н. э. обострились военные конфликты и вследствие этого не только города, но и малые *alu* (фактически деревни) имели укрепления²⁶.

Сочетание царской власти с общинным самоуправлением было типичным для государств Передней Азии II тыс. до н. э., так же как сосуществование домовых семейных общин с централизованным государственным аппаратом. Предположение это, выдвинутое впервые И. М. Дьяконовым²⁷, подтвердилось затем находками большесемейных архивов, датированных II тыс. до н. э. На обширном материале клинописных документов, относящихся к началу II тыс. до н. э., Н. Б. Янковская устанавливает, что в сельских районах Аррапхи домовые большесемейные общины являлись владельцами жилых башен — *dimtu* и что сам термин *dimtu* употребляется в различных аспектах. Он может означать башенное селение, группу башенных селений или индивидуальный башенный дом, составляющий родовую собственность свободного общинника²⁸.

Два документа с особой наглядностью иллюстрируют правильность выводов о башенном характере жилых домов у общинников Аррапхи XV в. до н. э. В одном из этих документов говорится о злоупотреблениях властью градоначальника Нузы, Кушшихарбэ, где по ходу судебного процесса попутно выясняется, что чиновники угрожали одному из общинников в случае неповиновения разрушить его башню, «чего он очень испугался»²⁹. Во втором документе описывается *dimtu*, имевшее по периметру 216 локтей, и указывается, что в нем проживало 160—200 человек³⁰. Простой подсчет показывает, что этот *dimtu* мог быть только многоэтажной башней. При одноэтажном варианте, даже при выборе самой оптимальной конфигурации в плане, в *dimtu* приходилось бы менее 2 м² жилой площади на человека.

Из угаритского клинописного архива следует, что в сельских районах существовали родовые башенные селения и индивидуальные башенные

²⁶ И. М. Дьяконов, Проблема вавилонского города II тыс. до н. э. (По материалам Ура), в кн.: «Древний Восток. Города и торговля (III—I тыс. до н. э.)», Ереван, 1973, стр. 34.

²⁷ Он же, Развитие земельных отношений в Ассирии, Л., 1949, стр. 18, 44; он же, Проблема вавилонского города..., стр. 54, 60.

²⁸ Н. Б. Янковская, Землевладение большесемейных домовых общин в клинописных источниках, ВДИ, 1959, № 1, стр. 43—44; она же, Из истории хурритского общества по материалам юридических документов из Аррапхи, XXV Международный конгресс востоковедов, М., 1960, стр. 4, 5; N. B. Jankowska, Communal Self-Government and the King of the State of Arrapha, «Journal of the Economic and Social History of the Orient», XII, 3, 1969, Leiden, стр. 238—241.

²⁹ Янковская, Землевладение..., стр. 45; R. H. Pfeifer, E. A. Speiser, One Hundred New Selected Nuzi Texts, «The Annual of the American School of the Oriental Research», vol. XVI, New Haven, 1926.

³⁰ Jankowska, ук. соч., стр. 243 сл.

жилые дома (*dimtu*), составлявшие родовую собственность. В текстах имеются прямые указания на количество *dimtu* в селениях³¹. Таким образом, клинописные архивы Южной и Северной Месопотамии, Сирии (Алалах) и Малой Азии II тыс. до н. э. указывают на широкое распространение общинного башенного жилища в этот период на территории многих стран Передней Азии, причем не только в изолированных горных областях, где доминировали племенные структуры, но также и в предгорных и долинных районах, в виде симбиоза с государственными образованиями.

Глиняная модель трехэтажной башни из Базмусиана (район Загросских гор) относится к среднеассирийскому периоду XV—XIII вв. до н. э. и как бы иллюстрирует одну из возможных форм башенного жилища той эпохи (рис. 5). В первом этаже базмусианского *dimtu* содержали домашний скот. Знак коровы, врисованный в шумерский пиктографический знак дома с башней (№ 43 по Лабату; рис. 4.2), указывает на тот же прием размещения домашних животных в первом этаже жилого дома. Реликтивно сохранившиеся типы оборонного жилища Китая позволяют с большой долей вероятности воссоздать один из вариантов внутренней планировки общинного башенного жилища древнего Переднего Востока. Первый этаж отводился под общую комнату с открытым очагом, хозяйственными кладовыми и домашними животными. В зимнее время вся семья жила в этом помещении. Отсутствие окон в первом этаже вызывалось требованиями безопасности. Единственный проем, служивший для входа, освещения и отвода дыма, как правило, устраивали выше земли и специально занижали, чтобы входящий внутрь вынужден был наклонить голову. Второй этаж был жилой, верхний — оборонительный. Связь между этажами осуществлялась через люки в перекрытиях, по приставным, легко убирающимся лестницам. На модели трехэтажной жилой башни из Базмусиана (Ирак), думается, не случайно нижний этаж показан глухим, безоконным, а голова козы высовывается из проема, расположенного выше земли. (Рис. 5. см. вклейку, стр. 69).

Среди источников, указывающих на длительное существование в прошлом башенного жилища в Передней Азии, важное место занимает ниневийский рельеф (рис. 6, 1), относящийся к VIII—VII вв. до н. э., а также ассирийский рельеф, датируемый VII в. до н. э., изображающий мидийский город Кишессу (рис. 7, 1). Следует отметить, что на рельефах высекались, как правило, сведения только о хорошо известных событиях и воспроизводились распространенные формы архитектурных сооружений. Огромная ценность ниневийского рельефа для истории развития архитектурных форм неоднократно отмечалась многими исследователями. Его можно назвать энциклопедией типов общинного жилища оборонного характера в селениях, находившихся на территории современного Ирака и прилегающих к нему районов с древнейших времен. На преобладание защитных элементов в этих домах указывал еще Н. И. Брунов³².

Композиционно дома на рельефе четко разделены на две группы: 1) левую — хорошо изученную; на ней изображены круглые в плане дома с куполами впарушенного (конусообразного) очертания и светодымовым отверстием в центре и три дома, прямоугольные в плане, перекрытые сферическими куполами со светодымовыми отверстиями в центре и без них; 2) правую, которая большинству исследователей представлялась неясной и потому вообще не комментировалась. Вместе с тем сопоставление изображенных справа домов с пиктографическими знаками архаического периода в Шумере (рис. 4, 1—3), башенными домами (рис. 6, 2 а, б, в, г, д;

³¹ Н. Б. Янковская, Общинное самоуправление в Угарите, ВДИ, 1963, № 3, стр. 36, 51—54.

³² Н. И. Брунов, Очерки по истории архитектуры, т. I, М., 1937, стр. 171 сл.

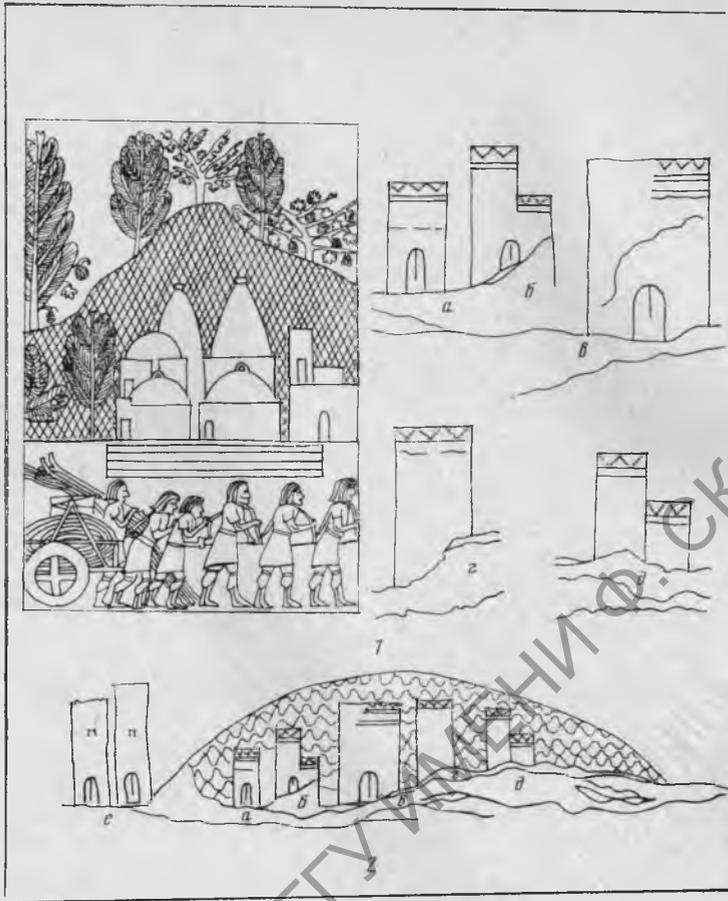

Рис. 6. 1 — рельеф из дворца Синахериба в Ниневии; 2 — ассирийский рельеф: а, б, в, г, д, е — группа отдельно стоящих башенных домов, изображенных на переднем плане мидийского г. Кишессу

рис. 7, 1, 2) на рельефах, изображающих города Кишессу и Сузы, хеттскими иероглифами (рис. 4, 4—6), древними сирийскими башенными жилыми ансамблями и сохранившимися реликтовыми формами оборонного башенного жилища на территории Закавказья, Средней Азии, Южного Йемена, Индии и Китая несомненно доказывает, что правая группа зданий на ниневийском рельефе — это оборонные жилища башенного типа, и подтверждает факт существования в VIII в. до н. э. в горных районах Ассирии укрепленного жилища.

Можно предположить, что в древневосточных рабовладельческих государствах Месопотамии общинное жилище оборонительного характера всюду разрушалось и могло существовать только в отдаленных от центров, периферийных или вовсе изолированных от внешнего мира районах, однозальные же дома с купольными перекрытиями и слабо выраженными оборонительными функциями были распространены по всей Месопотамии. Представляется вероятным, что художнику, высекавшему этот рельеф, была хорошо известна форма купольных домов и значительно менее — башенная структура общинного жилища; как следствие — уверенное и детальное изображение купольных домов и значительно более схематическое выполнение башенного жилища.

Рис. 5. Модель жилой башни из Базмусана, Ирак

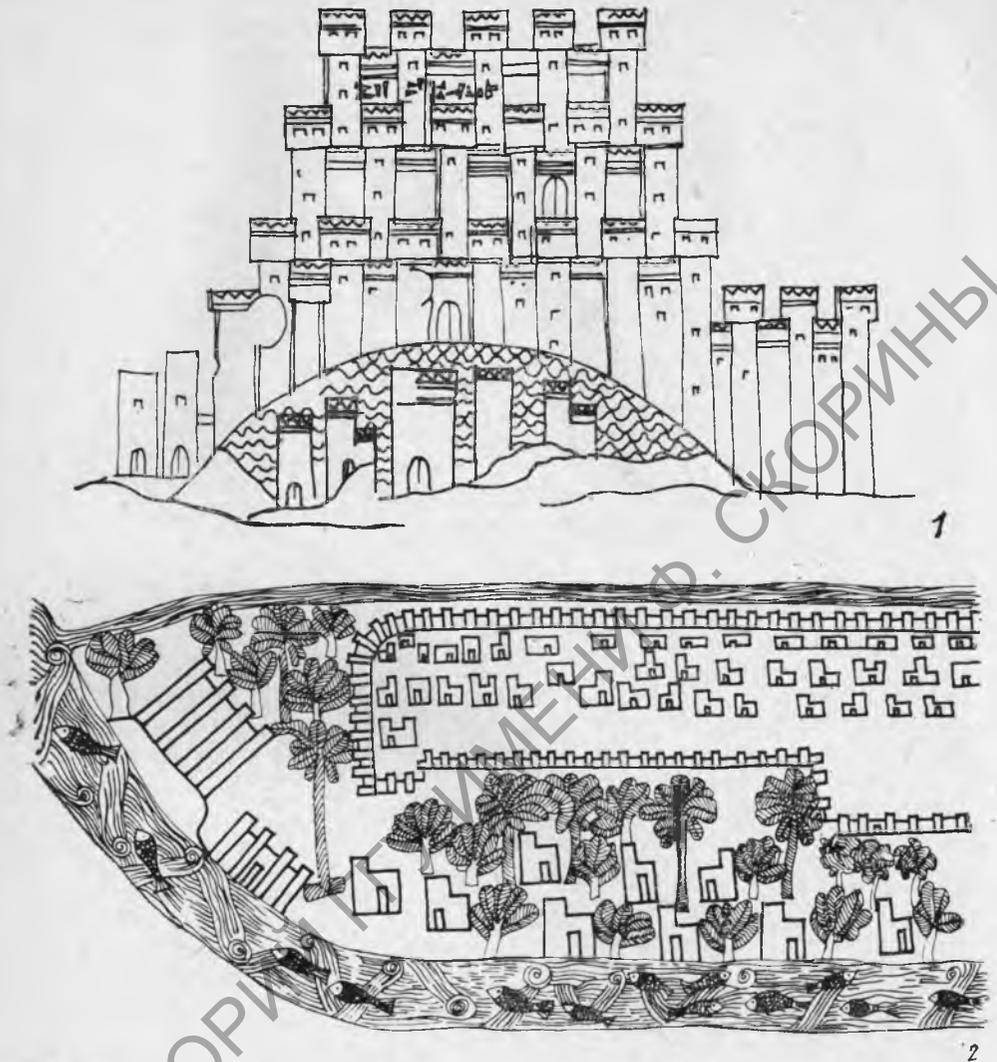

Рис. 7. Ассирийские рельефы, изображающие: 1 — мидийский г. Кишессу; 2 — г. Сузы

Ассирийский рельеф изображает мидийский город Кишессу с домами башенного типа (рис. 7, 1). Композиция рельефа двуплановая, на первом плане показаны отдельные башенные дома на фоне гористой местности, на втором изображается сам город Кишессу. Геометричному, жесткому рисунку фортификационной архитектуры города противопоставляется свободное размещение отдельных башенных домов. Значительно более детальная прорисовка башенных домов на ассирийском рельефе по сравнению с пиневийским рельефом позволяет выделить на нем три типа построек: дом с башней (рис. 6, 2 б, в), дом-крепость (жилая башня, рис. 6, 2 а, в, г) и отдельно стоящую башню (рис. 6, 2 е). Имеющиеся параллели и аналоги во многих странах мира позволяют отнести дома, расположенные на первом плане ассирийского рельефа, к мидийскому общинному сельскому оборонному жилищу VII в. до н. э.

Изображение города Сузы (рис. 7, 2) повторяет прием двуплановой композиции, примененный на рельефе, воспроизводящем город Кишессу.

На первом плане, за ровом, размещается селение, состоящее из однотипных домов с башнями, за ним, на втором плане, виднеется город, окруженный зубчатыми стенами с башнями. Сюжеты обоих рельефов совпадают, они изображают сельское оборонное жилище на фоне мощной городской фортификационной архитектуры. Объединение в одну художественную композицию этих двух тем может указывать на существование в этих местах в VII в. до н. э. сложной общественной структуры и отражает, очевидно, факт сосуществования двух систем — общинного сельского самоуправления и централизованной власти.

В Передней Азии и прилегающих к ней районах оборонное башенное жилище представляет один из многочисленных типов древнего общинного сельского жилища, получившего распространение в этом регионе.

Поселение «городского» оборонного типа — основная ячейка древнего йеменского общества. В Джауфе, Нашке, Баракише, Рагване, Магрибе, Амаране и прилегающих районах сабейские и минейские надписи VIII—III вв. до н. э. сообщают о строительстве башен. Руины древних башенных поселений обнаруживаются на территории всего Йемена³³. Термин *hgr*, подобно месопотамскому *dintu*, имел несколько значений; им пользовались, называя город, поселение и сельскую общину. В Южной Аравии одновременно существовали города-государства с высоким уровнем культуры и ранним распространением алфавитной письменности (ранее, чем в Греции) и автономные башенные поселения-города, принадлежащие свободным общинникам, обладавшим правами гражданского самоуправления³⁴. Опасное соседство с агрессивными кочевыми племенами вынудило создать общую постоянную систему обороны, при которой многочисленные башенные поселения-крепости помимо самозащиты вполне могли, будучи визуально связаны между собой, играть для государства роль своеобразной китайской стены.

Литературные источники древней Индии начиная с XI—X вв. до н. э. сообщают о существовании на ее территории укрепленных поселений. Тексты «Ригведы», составленные из разрозненных гимнов ведийских ариев, повествуют о том, что при их переселении в Индию они вступали в длительные конфликты с народами, жившими в укрепленных поселениях («пурь» или «дурги»). Главного ведического бога Индру, разрушившего множество «городов», сражаясь с врагами ариев, называют также «Пурандара», что означает «сокрушитель укрепленных поселений». Сведения гимнов «Ригведы» об укрепленных селениях, принадлежащих аборигенам, с несомненностью указывают на то, что этот тип селений получил развитие на местной почве задолго до появления ариев³⁵.

В санскритской грамматике V—VI вв. до н. э., разработанной Панини, не проводится четкого различия между городом и поселением в Западной и Северо-Западной Индии, как раз на той территории, где археологические раскопки обнаруживают укрепленные поселения. Античные источники сообщают о многочисленных городах, расположенных в этих же рай-

³³ П. А. Грязневич, В поисках затерянных городов. М., 1978, стр. 174, 199, 202, 214, 216, 224, 236; В. А. Крачковская, Историческое значение памятников южноарабской архитектуры, «Советское востоковедение», т. IV, 1947, стр. 110; «Южная Аравия. Памятники древней истории и культуры», вып. 1, М., 1978, стр. 18.

³⁴ А. Г. Лундин, Город и государство в Южной Аравии I тыс. до н. э., «Древний Восток. Города и торговля», стр. 162, 173 сл.; он же, Город в древней Южной Аравии. Древние города, «Материалы к Всесоюзной конференции «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего Средневековья», Пенджикент, 1977», Л., 1977, стр. 33—35.

³⁵ Б. Н. Лунин, История индийской культуры с древних времен до наших дней, М., 1960, стр. 38; Бонгард-Левин, Ильин, ук. соч., стр. 5, 126, 324—326; Э. А. Грантовский, Ранняя история иранских племен Передней Азии, М., 1970, стр. 378.

нах. Согласно Плутарху, в одной из покоренных областей было пять тысяч городов (полисов). Арриан («Индика» X, 1), следовавший в данном сообщении за Мегасфеном, утверждает, что «индийских городов, вследствие их многочисленности, точно назвать нельзя». Следует предположить, что в данном случае античные авторы называют полисами наравне с городами и укрепленные селения.

Средняя Азия, наряду с Индией, Пакистаном, Китаем, Афганистаном, Ираном и Ираком, является одним из древнейших очагов концентрации различных типов укрепленных селений и отдельных башенных сооружений. Наряду с древнейшими геоксюрскими оборонными ансамблями на территории южных областей Средней Азии (в Узбекистане, в дельте реки Мургаб и в оазисах Туркмении) были обнаружены поселения укрепленного характера, относящиеся к II—I тыс. до н. э.³⁶ Там же и в Хорезме были открыты селения эпохи бронзы, где функции ограждающих оборонных стен выполняли дома-крепости, расположенные по периметру внешнего контура селения и плотно прилегающие друг к другу. Крупные поселения оборонного характера получили распространение в Туркмении в X—VII вв. до н. э.³⁷ Сельские поселения аспасаков (VII—II вв. до н. э.) имели хорошо укрепленные стены с бойницами и башнями³⁸. По материалам Беркут-Калинского оазиса укрепленные поселения I в. до н. э. — I в. н. э. были однотипными и различались только размерами, часть из них имела монолитно-гнездовую планировочную структуру³⁹.

Античные авторы сообщают о башенных жилищах на территории Средней Азии. Страбон в «Географии» (XI, II, 4) приводит описание неприступных крепостей в Бактрии и Согдиане, которые он именуется «скалами» и размещает высоко в горах. Квинт Курций Руф (VIII, 2) сообщает о башнях для охотников на территории современного Узбекистана. Арриан в книге, посвященной походу Александра (IV, 6, 5), говорит о варварах, скрывающихся в своих крепостях и укреплениях в районах Мараканда и Согдианы и отказывающихся повиноваться войскам Александра. Аммиан Марцеллин в своей «Истории» (XXIII, 6, 60), описывая земли, расположенные в отрогах Тянь-Шаня, в Кашгарии, упоминает о селении, называемом «Каменная башня». К досредневековому жилищу общинников следует отнести оборонные башенные поселения IV—VII вв. в Чуйской долине, в Киргизии⁴⁰ и Элькен-тепе и Мунон-тепе в Южном Туркменистане⁴¹.

Горные массивы Южной, Восточной и Средней Азии, Кавказа, Эльбурса, Центрального Тавра, Понтийских гор, Армянского нагорья в Передней Азии и другие по мере развития цивилизаций в долинных районах все больше и больше начинают играть роль неприступных крепостей, где отдельные племенные группы в условиях заторможенного существования сохраняли патриархально-родовые отношения и становились единственными хранителями исчезнувших форм жилых, культовых и общественных сооружений, а также местных строительных традиций.

³⁶ В. М. М а с с о н, Страна тысячи городов, М., 1966, стр. 17—18, 23—31; В. И. С п р и ш е в с к и й, Оборонительное сооружение эпохи бронзы на территории Узбекистана, СА, 1972, № 3, стр. 127—131; В. И. С а р и а н и д и, Г. А. К о ш е л е н к о, За барханами прошлое, М., 1966, стр. 104—106.

³⁷ В. М. М а с с о н, Археологические изыскания древней и средневековой истории Туркмении (1969—1975 гг.), Ашхабад, 1969, стр. 10.

³⁸ С. П. Т о л с т о в, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 124—135.

³⁹ Е. Е. Н а р а з и к, Сельские поселения афригидского Хорезма, М., 1966, стр. 10—14.

⁴⁰ А. Н. Б е р е н ш т а м, Архитектурные памятники Киргизии, М.—Л., 1950, стр. 29.

⁴¹ Г. А. П у г а ч е н к о в а, Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, т. VI, М., 1958, стр. 17, 141 сл.

Древние источники сообщают об укрепленном жилище в Сирии и соседних с ней странах: Nabatee, Taurii, Cilicis et Cappadocis. Ценные сведения об укрепленном жилище на территории Передней Азии дает Страбон в XII—XIV книгах «Географии». Он указывает, что в Каппадокии (Центральный Тавр) в горах есть крепости скотоводов, неприступные селения сельгайцев на вершинах Тавра и пиратские укрепления Зеникета. Сообщая о кардухах, живущих поблизости от р. Тигр, он характеризует их как искусных строителей укрепленных мест. Далее, описывая соседние с Сирией племена и их вождей, Страбон попутно отмечает, что они владели «хорошо укрепленными местечками»⁴².

В Сирии оборонное жилище частично сохранилось в виде многочисленных полуразрушенных ансамблей, выполненных в камне, и датируется II в. до н. э. — V в. н. э. Большое количество башенных домов в отдельных селениях вызывало недоумение многих исследователей. Так, попытка Батлера при реставрации башенного селения Уммиль-Кутена подчинить его канонам городской застройки с улицами и башенными акцентами на перекрестках, по собственному признанию автора, закончилась неудачей⁴³. В башенных жилых комплексах Южного Хаурана функции жилья и обороны совмещены в одном нерасчлененном объеме, где семья, открытый очаг и домашние животные, для которых отводится специальное место, находятся в одном помещении (Рис. 8, 5 а, б; 7). Типологически этот прием ближе всего к дому-крепости. Боевая башня в три — пять этажей при высоте в 15—22 м, примыкая к жилищу, становится придомовой; стоящая отдельно, она размещается на полях, в селениях, в стратегически важных местах. Связь между этажами в башнях осуществлялась при помощи съемных лестниц.

Расстановка башенных жилищ в селениях Южного Хаурана, без видимой композиционной связи, вызывает удивление не только у Батлера, но и у Чаленко⁴⁴, который приходит к выводу, что они первоначально принадлежали индивидуальным владельцам, а затем перешли в собственность привилегированной части населения. Вместе с тем привлечение кавказского башенного материала (рециктивно сохранявшегося еще в XX в.) может разрешить эти вопросы. Так, типологическое сходство башенных ансамблей Сирии и Сванетии (рис. 8, 5 а, б; 6 а, б; 7; 8 а, б) помогло понять до сих пор нерасшифрованную природу точечного размещения многочисленных башенных домов в древних сирийских селениях, созданных за две тысячи лет до сванских, и реконструировать внутреннюю организацию пространства.

Укрепленное жилище Палестины, в том числе и башенное, неоднократно описывается в Библии. Наряду с каменными цитаделями и крепостями часть башенных сооружений строилась, по-видимому, из дерева. Время их сооружения относится к XI—IX вв. до н. э. и отражает период интенсивного процесса конфедерации племен. Тавр, Ливанские, Антиливанские, Хермонские и Понтийские горы позволяли местным племенам, оставаясь в непосредственной близости к завоевателям, вести успешные войны, сохраняя независимое существование, в чем им помогало искусство возведения башенного оборонного жилища.

⁴² Страбон, «География», пер. Г. А. Стратоновского, М., 1964, XII, 2, 9; 7, 3; XIV, 5, 7; XVI, 1, 24; 2, 10, 12, 18, 40; стр. 507, 535, 627, 693, 697, 699—700, 706.

⁴³ A. Butler, Ancient Architecture in Syria, «Publications of the Princeton University. Archaeological Expedition to Syria in 1904—1921», p. II, стр. 125 сл.

⁴⁴ G. Tchalenko, Villages antiques de la Syrie du Nord, Le massif de Bélus à l'époque romaine (Institut français d'archéologie de Beyrouth. Bibliothèque archéologique et historique, t. 1), p. I—II, 1953, p. I, стр. 20, 30—31, 173, 196, 345, 396—398.

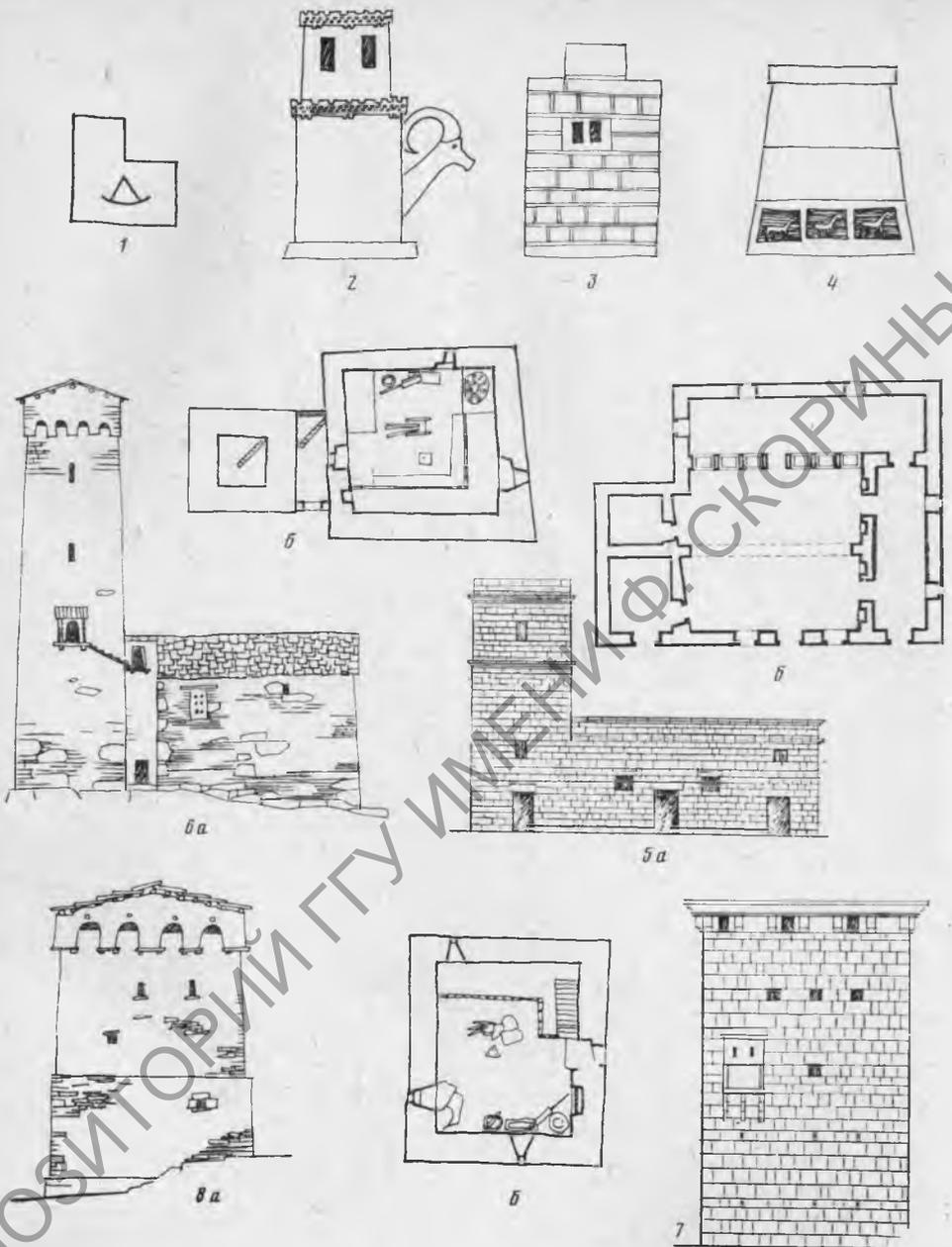

Рис. 8. Типы башенного жилища с размещением домашних животных в 1 этаже: 1 — пиктографический знак *дом с башней* из Шумера; 2 — модель жилой башни из Базму-сиана; 3 — башенный жилой дом раннеминойского периода с о. Крит (по Эвансу); 4 — жилая башня из Перу; 5 — дом с башней, Южный Харуан (по Батлеру), Сирия; а — фасад, б — план; 6 — дом с башней из Сванетии, Грузия: а — фасад, б — план; 7 — дом-крепость (по Батлеру), Сирия; 8 — дом-крепость из Сванетии, Грузия: а — фасад, б — план

Сведения о башенном жилище появляются в античной литературе с VI в. до н. э., причем вначале отмечается лишь наличие этой формы в различных странах. Гекатей Милетский в «Землеописании» трижды сообщает о людях, живущих в башнях [фр. 154/Лас. 185/ St. Byz; фр. 193/Лас.

204/St. Byz]. Геродот в «Истории» (II, 95) счел нужным обратить свое внимание на то, что жители возвышенной части Египта строят спальные помещения в виде башен, в другом разделе «Истории» (VII, 62, 78—79) он упоминает о живущих в башнях (моссиниках). Эсхил в «Прикованном Прометее» ассоциирует образ Аравии с высокой крепостью, отражая этой метафорой, очевидно, достаточно известный в V в. до н. э. факт существования высоких башенных сооружений в Южной Аравии.

Затем при более близком знакомстве греки, а за ними и римляне приходят к выводу, что племена — обладатели укрепленных жилищ — воинственны и агрессивны. Страбон в «Географии» (XVII, 3, 25) отмечает враждебные действия непокоренных племен в областях, соседних с Египтом, и подчеркивает, что, имея множество укреплений, они оказывают неповиновение римлянам. Арриан (Anab., III, 17) сообщает о том, что жители горного Элама сохраняли свою независимость, грабили соседние страны безнаказанно, скрываясь в своих «непрístupных берлогах».

Многочисленные фрагментарные сведения античных авторов о башенных селениях на территории Европы указывают на их распространение главным образом в изолированных, преимущественно горных и островных областях. Фукидид (III, 24, 3, 4) описывает укрепления целопонесцев, состоящие из огромных башен, построенных для отражения возможных нападений извне. Следует заметить, что фортификационные башни, цитадели, крепости и башни в системе оборонительных стен являлись элементом многих античных городов, но башенная форма не ассоциировалась у античных авторов с жилищем и в последнем случае вызывала недоумение. Поэтому при описании башенной формы сооружений они либо относили эти формы к фортификационному зодчеству, либо, сообщая о башенном жилище, причисляли его к разряду диковинных, из ряда вон выходящих явлений.

Жилые башни в селениях давали основание многим античным авторам считать их городами. Но ошибка эта не ускользнула от внимания таких авторов, как Страбон, Арриан и Тацит, которые, обнаружив эту неточность в ряде текстов и сообщений, прокомментировали ее соответствующим образом. Так, Страбон (III, гл. 3, 8) обращает внимание на то, что укрепленные города на «варварской периферии» по сути дела не города, а селения, а называют их так в донесениях для прославления подвигов полководцев и большего блеска победных реляций. Посидоний (слова которого приводит Страбон), высмеивая сообщения Полибия о том, что Гракх разрушил в Испании 300 кельтиберийских городов, «ибо он считает городами башни», замечает, что Полибий допускает эту ошибку с целью польстить Гракху.

Описывая Иберию, Страбон (III, 4, 13; 55) отмечает дикость и суровость народов, живущих в районе Пиренейских гор. Он объясняет эти свойства следствием не только войны, но и изолированностью их положения: «Морской путь к ним длинный, равно как и сухопутные дороги; вследствие недостаточности сношений они потеряли обходительность и приветливость». Далее Страбон подвергает критике сообщение о том, что в Иберии более 1000 городов, и указывает, что это преувеличение, поскольку городами называют большие селения. В этом же отрывке приводятся общие рассуждения о том, что неправильно считать городами селения, имеющие башни.

Страбон прав, подвергая сомнению возможность существования такого количества городов. Ценные комментарии Страбона затем были подтверждены археологическими раскопками, обнаружившими в зоне Иберийских гор в Испании многочисленные укрепленные селения с домами башенной формы в период, совпадающий по времени с оседанием кельтских племен в IV—III вв. до н. э. на Пиренейском полуострове. Укрепленные

поселения, по сообщению Тацита (Hist., I, 51), существовали также у секванов и эдуев.

В лесных областях Европы большое распространение имели бревенчатые сооружения. В «Трактате об архитектуре» Витрувий (II, 9, 15—16) описывает местную крепость с бревенчатой башней перед входом в районе Альп. Жители этой крепости отказались снабдить провиантом войско Цезаря. Витрувий дает боевую характеристику альпийской башни. Он сообщает, что она была такой высоты, что с вершины ее можно было сбрасывать большие камни и тяжелые колья. Попытки римлян поджечь эту башню закончились неудачей, башня оказалась несгораемой.

Плиний Старший в «Естественной истории», упоминая ретов и эвганеев, живших на склонах Альп, обращенных к Италии, указывает, что Катон перечислял 34 укрепленных поселения этого народа⁴⁵. В другом отрывке, посвященном описанию города Кизика, он сообщает, что около ворот, называемых фракийскими, находятся семь башен, связанных между собой звуковыми сигналами. Эти сведения Плиния Старшего, относящиеся к I в. н. э., в VI в. повторяет Гесихий Милетский в «Римской истории» (фр. 4, 12—14)⁴⁶.

Приск Понтийский, один из участников посольства, направлявшегося к Аттиле в V в., описывая это путешествие в «Готской истории», сообщает об огромных селениях с бревенчатыми хоромами, башнями, оградами, построенными не для безопасности, а ради красоты. Затем он описывает деревню, где находился Аттила, похожую на город⁴⁷. Предположительно эти башенные селения находились на территории Восточной Венгрии.

В Средиземноморском бассейне и на Европейском континенте следы укрепленного жилища обнаруживаются со времени неолита⁴⁸. Архитектура оборонного жилища на о-ве Крит возникла в период межплеменных и внутриплеменных конфликтов в 2100—1570 гг. до н. э. На найденных при раскопках на Крите фаянсовых табличках изображено укрепленное жилище типа дома-крепости (рис. 8, 3). Глухие первые этажи при минимальном количестве небольших по размеру окон в верхних этажах придают домам оборонный характер. Эванс относит эти таблички к раннеминойскому периоду (XVIII—XVII вв. до н. э.), а изображенные на них дома — к башенному жилищу местных варварских племен. По его предположению, в первых этажах этих домов размещался скот⁴⁹. Из 42 фаянсовых табличек, изображающих дома-крепости (или башенные дома, как их называл Эванс), только на восьми ясно обозначены входы в первом этаже. На остальных 34 табличках входы отсутствуют.

Мегалитические башни Сардинии — *нураги* — относятся к концу II тыс. до н. э. Д. Лиллиу, посвятивший специальное исследование нурагам, приходит к выводу, что они строились скорее не для защиты от лигурийских пиратов, а для обороны в случае местных, внутренних конфликтов между кланами, родами и племенными группами. Он относит простые, отдельно стоящие нураги с боевыми коронками к наиболее древнему типу⁵⁰. Каменная культура нураг пережила карфагенское завое-

⁴⁵ Н. А. Красновская, Фриулы (Историко-этнографический очерк), М., 1971, стр. 25.

⁴⁶ В. П. Зубов, Ф. А. Петровский, Архитектура античного мира, М., 1940, стр. 399.

⁴⁷ Приск Понтийский, Готская история; В. В. Латышев, Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, ВДИ, 1948, № 4, стр. 254.

⁴⁸ Г. Чайлд, У истоков европейской цивилизации, М., 1952, стр. 68, 106, 114, 347, 350, 365, 274, 378; он же, Прогресс и археология, М., 1949, стр. 128; А. Л. Монгайт, Археология Западной Европы. Каменный век, М., 1973, стр. 200 сл., 294.

⁴⁹ A. Evans, The Palace of Minos at Knossos, v. I, L., 1921, стр. 306.

⁵⁰ G. Lilliu, The Nuraghi of Sardinia, «Antiquity. A quarterly review of archaeology», vol. XXXIII, № 129, March, 1959, стр. 32—38, табл. VII—VIII.

вание Сардинии и продолжала существовать до начала римского господства (237 г. до н. э.); руины нураг сохранились до сих пор.

Археологический материал показывает, что в Центральной Европе в середине I тыс. до н. э. укрепленные поселения состояли из жилищ круглой, овальной и прямоугольной формы. В Сардинии помимо нураг круглого в плане очертания были и прямоугольные. Культура нураг распространялась и на Корсику, а Г. Чайлд находил, что как в архитектурном, так и в социальном отношении эти комплексы обнаруживают разительное сходство с современными деревнями Нигерии⁵¹.

К башенному жилищу относятся *талайоты* Балеарских островов. Они появились главным образом к началу эпохи бронзы и продолжали существовать до римской экспансии. Их типологическое сходство с нурагами Сардинии несомненно. В зоне Иберийских гор, в Испании (в Галисии, Астурии) и в северной части Португалии существовали многочисленные укрепленные селения с домами башенной формы. Их располагали на возвышенностях, укрепляли субструкциями и окружали мощными стенами. Поселения характеризуются свободной застройкой, домами круглой или овальной конфигурации в плане. Позднее появляются и прямоугольные в плане жилища. Согласно римской традиции, небольшие селения называют *castros*, крупные — *sitanias*. Археологические находки дают возможность датировать их VI—III вв. до н. э. — временем, совпадающим с оседанием кельтских племен на Пиренейском полуострове. Остатки *castros* насчитываются многими сотнями. Римляне после вторжения в Испанию во II в. до н. э. заставляли местное население покидать *castros* и селиться в открытых поселениях. Расцвет иберийской культуры приходится на V—IV вв. до н. э. Все ее селения, обычно небольшого размера, носили оборонный характер, и, как правило, при их размещении использовались естественные барьеры⁵².

Во Франции сохранились оборонные жилые комплексы галльских и кельтских племен. В районе Клермон-Феррана во время раскопок были открыты укрепленные селения, состоявшие из башенных домов круглой формы типа нураг. Следов общественных зданий не обнаружено. Функции обороны в этих селениях несли все дома; жилище вождя отличалось от рядовых жилищ лишь несколько большими размерами. Ориентировочно эти комплексы датируются 1000 г. до н. э.⁵³ Аналогичные поселения плотной гнездовой застройки жилыми башнями разной этажности существовали и в Сардинии. Эта структура селений обнаружена и на Британских островах в бее-hive «домах-ульях», как их называют. Они — каменные, круглые в плане, однозальные, с куполообразными кровлями различного очертания из того же материала, расположены группами или стоят отдельно. Каменная безоконная оболочка, гарантирующая неуязвимость, позволяет отнести их к оборонному типу жилища. Особенно много их сохранилось в Ирландии, Уэльсе, на Оркнейских и Гебридских островах. В Ирландии обнаружено около 28 тысяч кельтских укрепленных деревень *rath*. Английские археологи считают, что такие формы жилища сооружались в конце каменного века и позже, до римских времен. Их происхождение связывается с существовавшими в то время непрерывными конфликтами военного характера. Для поселений старались использо-

⁵¹ Чайлд, У истоков европейской цивилизации, стр. 347.

⁵² А. Монгайт, Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века, М., 1974, стр. 294, 296; Н. А. Садомяк, Основные этапы этнической истории галисийцев. Культура и быт народов зарубежной Европы, М., 1967, стр. 210 сл., 213.

⁵³ E. Egli, Geschichte des Städtebaues, Erlenbach — Zürich und Stuttgart, 1959, стр. 138—141.

вать естественные барьеры в виде холмов, островное положение и другие преграды⁵⁴.

В высокогорных альпийских областях Северо-Восточной Италии, Восточной Швейцарии и в Балканских странах (главным образом горных районах) в эпоху бронзы существовали мощные укрепленные сооружения. Остатки иллирийских оборонных поселений в этом регионе обнаруживаются повсеместно. Их часто принимали (так же как и кельтские поселения) за города. В период расцвета дакийской культуры (I в. до н. э. — I в. н. э.) в Трансильвании у даков были многочисленные крепостные сооружения⁵⁵. К этому же времени относится сообщение Катона о 34 укрепленных селениях местных племен.

Суверенное Причерноморье с древнейших времен было связано водными и сухопутными путями с Балканскими странами и Кавказом, а через Закавказье — с культурами древнего Востока. У таврских племен Горного Крыма на рубеже II—I тыс. до н. э. были укрепленные селения⁵⁶. Сельские усадьбы на Гераклейском полуострове под Херсонесом были укрепленными ансамблями с придомовыми башнями⁵⁷. Анализ структуры усадеб показывает, что они были построены с целью обороны. Многие прямоугольные в плане боспорские башни датируются VI—V вв. до н. э. Большинство сельских поселений в первые века нашей эры было укреплено, кроме того, размещались они в труднодоступных местах⁵⁸.

В общей цепи развития культуры Азии и Европы Закавказье занимает важное место. Многочисленные указания древних источников на широкое распространение комплексов башенного жилища на территории Закавказья и Кавказа позволяют отнести этот район к одному из очагов зарождения этой формы. Заселение высокогорных районов Кавказа относится к III тыс. до н. э. Ранние памятники Закавказья, в том числе и оборонное жилище (циклопические крепости строились от неолита до средневековья), несмотря на большой хронологический разрыв, обнаруживают очевидное сходство с памятниками той же стадии общественного развития в Передней Азии, сохраняя вместе с тем местные традиции⁵⁹. Укрепленные поселения на Южном Кавказе и в Дагестане появляются в эпоху ранней бронзы⁶⁰. В эпоху средней бронзы (конец III тыс. до н. э. — первая пол. II тыс. до н. э.) задачи обороны выходят на первый план, и в условиях развития патриархального общества появляются укрепленные поселения с круглыми и прямоугольными домами⁶¹. Превалируют мелкие общинно-родовые селения ячеистой ступенчатой структуры, размещаемые в труднодоступных местах⁶². «Курильница», найденная недавно в Грузии под

⁵⁴ Монгайт, Археология Западной Европы, стр. 251; И. Н. Гроздова, Сельское жилище на Британских островах. Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы, М., 1968, стр. 305.

⁵⁵ О. Р. Будина, Народное жилище Северной Албании. Культура и быт народов зарубежной Европы, М., 1967, стр. 131; Г. Б. Федоров, Л. Л. Полевой, Археология Румынии, М., 1973, стр. 93, 102, 136, 203.

⁵⁶ А. П. Смирнов, Скифы, М., 1966, стр. 37.

⁵⁷ В. Д. Блаватский, Очерки военного дела в античных государствах, М., 1954, стр. 103—105.

⁵⁸ И. Т. Кругликова, Боспор в позднеантичное время, М., 1966, стр. 68, 99, сл.

⁵⁹ Б. А. Куфтин, Археологический маршрут экспедиции 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию, Тбилиси, 1949, стр. 39.

⁶⁰ В. М. Котович, Верхнегунисское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана, Махачкала, 1965, стр. 19—23, 89—92.

⁶¹ Т. Н. Чубинашвили, Некоторые особенности древних культур Южного Кавказа и их взаимоотношения с переднеазиатскими культурами в IV—III тыс. до н. э., «Вопросы древней истории» (Кавказско-ближневосточный сборник, IV), Тбилиси, 1973, стр. 43—44.

⁶² Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, II, Тбилиси, 1950, стр. 11.

Урбниси⁶³ (начало III тыс. до н. э.), является моделью трехэтажного дома прямоугольного очертания в плане, с глухим первым этажом и входом со второго этажа по приставной лестнице (рис. 9). Типологически она ассоциируется с переднеазиатскими *dimtu*.

По всему Армянскому нагорью были разбросаны укрепленные города и поселения. Для усиления обороноспособности их строили в труднодоступных местах⁶⁴. Хеттские и урартские победные реляции сообщают баснословные данные о захваченных «городах» и «крепостях», исчисляя их сотнями: так, хетты за три дня пути берут более 100 городов; урартские надписи сообщают о захвате царем Аргишти I в одной части Диаухи 105 «крепостей» и 200 «городов». Эти сведения вызывают сомнение у многих исследователей, считающих, что «городами», ошибочно или намеренно преувеличивая, надписи называли укрепленные поселения. Их владельцами были небольшие родоплеменные объединения, постоянно воевавшие друг с другом. И. И. Мещанинов относит города, упоминаемые в победных надписях царей Урарту, к укрепленным поселениям, отождествляя их с циклопическими сооружениями Закавказья⁶⁵.

Сведения о варварах, живущих в башнях на территории Закавказья, занимают воображение античных авторов на протяжении более десяти веков, и, что особенно важно, поток сообщений о башенном жилище не иссякает, начиная с Гекатея Милетского (VI в. до н. э.) и кончая Прицианом (VI в. н. э.). В настоящее время известно более 40 описаний или упоминаний античных авторов о башенном жилище на «варварской периферии» в произведениях, содержащих главным образом сведения исторического, географического и этнографического характера. Многие античные авторы впоследствии будут повторять почти дословно описание башенных ансамблей по «Анабасису» Ксенофонта.

Гекатей Милетский в «Землеописании» [фр. 154/Jacoby 185/St. Byz.] первый сообщает о моссиниках, живущих на Кавказе. Моссиниками греки называли «живущих в деревянных башнях».

В 401 г. до н. э. на территории Закавказья был Ксенофонт. Он сообщает о многочисленных башенных селениях местных племен, встречавшихся на его пути в районе Трапезунда⁶⁶. Некоторыми из этих селений регулярные греческие войска так и не смогли овладеть. Характеристику форм башенных селений Ксенофонт дополняет сведениями социально-экономического характера, например, он описывает, как греки умело воспользовались внутриплеменной враждой у моссиников для взятия некоторых башенных селений. Согласно Ксенофонту, местные селения состоят из равнозначных домов, при этом башня вождя отличается от рядовых башен только своим расположением на самом возвышенном месте и несколько

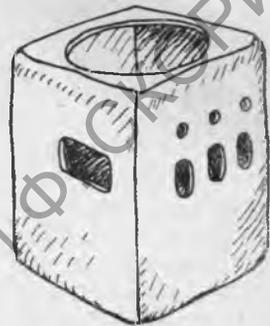

Рис. 9. «Курильница» — 3-х этажный дом (III тыс. до н. э.) найдена в селении Квацхелиби в районе Урбниси, Грузия

⁶³ Найдена в д. Квацхелиби (12 км от Урбниси) во время археологических раскопок под руководством А. И. Джавахишвили в 1961—1962 гг. Хранится в Государственном музее Грузии в Тбилиси.

⁶⁴ Б. Б. П и о т р о в с к и й, Ванское царство (Урарту), М., 1959, стр. 197; Г. А. М е л и к и ш в и л и, История древней Грузии, Тбилиси, 1959, стр. 209.

⁶⁵ И. И. М е щ а н и н о в, Циклопические сооружения, ИГАИМК, XIII, вып. 4—7, Л., 1932, стр. 58.

⁶⁶ К с е н о ф о н т, Анабасис, IV, 4, 1, 2; 7, 1—3, 17; 8, 9, 22—24; V, 1, 17; 2, 1—27; 4, 2, 14—16, 23—27, 30, 31; 5, 1. Пер. М. И. Максимовой под ред. акад. И. И. Толстого, М.—Л., 1951.

большими размерами⁶⁷. При описании «городов» у дрилов и моссиников никаких общественных зданий, площадей, рынков, лавок он не отмечает, хотя и обращает внимание на менее значительные планировочные приемы в структуре поселений. Закономерно предположить, что эти «города» на самом деле были башенными поселениями, принадлежащими общинно-родовым объединениям⁶⁸.

В комментариях к переводу «Анабасиса» М. И. Максимова указывает, что для припонтийских областей Ксенофонт применяет термин полис кроме греческих колоний только к городу Гамниаду, остальные же поселения он называет «хория», что означает «укрепленное поселение». Далее она делает вывод, что многочисленные «города» тахов, мосхов, диаухов и других племен на территории Восточной Анатолии, упоминаемые в победных надписях ассирийцев и урартийцев, расшифровываются как укрепленные поселения «хория», по терминологии Ксенофонта⁶⁹.

Помимо башенного жилища, развивающегося по вертикали, Ксенофонт описывает в этом же районе подземное однозальное жилище с пирамидальной кровлей и верхним светом, где люди и домашний скот находятся в одном помещении. Таким образом, в «Анабасисе» Ксенофонт на рубеже V—IV вв. до н. э. описал два древнейших типа жилища: башенное и подземное, возникших значительно ранее V в. до н. э. и уходящих своими корнями в глубь истории. Следы существования обеих форм жилища обнаруживаются в ряде стран Евразии и Африки начиная уже с VIII—III тыс. до н. э.

В книге «О чудесных слухах» (61) безымянного автора IV в. до н. э. (ранее ее приписывали Аристотелю) вновь упоминаются моссиники, живущие в башнях. Скилак Кариандский в «Азии» (86), написанной во второй половине IV в. до н. э., говорит о том же. Аполлоний Родосский, крупный поэт александрийского времени, большой эрудит в области географии и этнографии, в «Аргонавтике», описывая поход аргонавтов (II, 373—387, 392—407, 1009—1032), сообщает о племенах, занимающих лесистую страну, горы и предгорья, живущих в деревянных башнях, называемых моссинами. Он, так же как и Ксенофонт, дополняет описание жилища моссиников характеристикой общественных отношений, указывая на бесправное положение царя: хотя он сидит в самом высоком моссине и правит суд над своим многочисленным народом, но за ошибки в судопроизводстве его карают лишением свободы и морят голодом. В «Схологиях» к «Походу аргонавтов» также упоминаются «моссиники» (378... тибарены).

В «Землеописании» безымянного автора (возможно, Симона Хиосского) («Азия», 900—910) сообщается о моссинах, которые живут в очень высоких деревянных башнях, царя держат взаперти, на самом верхнем этаже, сурово наказывая за нарушения законности. Это сочинение, написанное шестистопным ямбом около 90 г. до н. э., по-видимому, было школьным учебником. Проникновение сведений о деревянных башенных жилищах моссиников в античный учебник указывает на общеизвестность факта распространения этой формы жилищ в районе Закавказья. Сведения о моссиниках (живущих в башнях) содержатся и в «Истории» Николая Дамасского («Свод странных обычаев», 18).

⁶⁷ Там же, V, 4, 3—9, 15, 20, 26, 34.

⁶⁸ Г. И. Лежава, Древнейшая деревянная архитектура по «Анабасису» Ксенофонта, Изв. АН ГССР. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусств, 3, Тбилиси, 1971, стр. 90—103.

⁶⁹ М. И. Максимова, Местное население Юго-Восточного Причерноморья по «Анабасису» Ксенофонта. Дрилы и моссиники, ВДИ, 1951, № 1, стр. 250—262.

Диодор Сицилийский в «Библиотеке» (XIV, 29, 5; 30, 6, 7), передавая, иногда дословно, сведения из «Анабасиса» Ксенофонта об отступлении греческих войск, дополняет их новыми данными, показывающими, что он располагал параллельными источниками по описанию укрепленного жилища у дрилов, колхов и моссиников. Говоря о том, что башни были семиэтажными, он подчеркивает изобилие и плодородие края, который опустошали и грабили наемники Кира-младшего. Ценные сведения сообщает Арриан, который управлял Каппадокией и в 134 г. совершил инспекционный объезд Эвксинского Понта до Диоскурии. В его отчете императору Адриану уделено место сообщениям о воинственных дрилах, живущих в укрепленных местечках и не имеющих царей. Дионисий, современник Арриана, в описании «Заселенная земля» (771—774), перечисляет племена Закавказья, также сообщает о моссиниках, живущих в деревянных башнях, а в XII в. Евстафий в комментариях к «Землеописанию» Дионисия и «Географии» Страбона повторяет эти сведения⁷⁰.

Эпифаний (IV в.) в «Слове якорном» (113), «Против ересей» [кн. I, часть I § 5 (р. 6с)] и «Против сетиан» (39) приводит решение племен, находящихся на территории Закавказья, о совместном строительстве в Вавилоне башни и города. Среди строителей он называет моссиников, колхов, халибов и амазонов. В этих сведениях содержится три важных момента: башенная форма сооружения, коллективный метод постройки представителями многочисленных племен, среди которых оказались и племена, живущие в башнях, и разрушение постройки, как не отвечающей интересам развивающихся классовых отношений. В «Лексиконе» Гесихия Александрийского, предположительно написанном в V в., дается толкование слова «моссина». Это башни, брустверы, деревянные лотки, а также народ, живущий на берегах Понта⁷¹. Стефан Византийский, продолжая в VI в. античную традицию, неоднократно поясняет, что моссиники получили это название от башенной формы своих жилищ⁷².

Латинские писатели, так же как и греческие, неоднократно описывают башенное жилище в Закавказье. И если среди греческих писателей следует особо выделить Ксенофонта, то среди латинских первенствует Витрувий. Хотя этих авторов разделяет четыре века, их повествования о башенном жилище дополняют друг друга. Ксенофонт в «Анабасисе» сообщает нам о топографии местности и об общем расположении многих укрепленных селений, сопровождая эти сведения социальной характеристикой их обитателей. Витрувий в трактате «Девять книг об архитектуре» (II, 1, 4, 6) подробно описывает бревенчатую конструкцию колхидских жилых башенных домов⁷³. Далее, комментируя свое описание колхидских башен, он указывает, что они наряду с фригийскими жилыми постройками относятся к древнейшим типам жилища. Следует отметить, что это пока единственное из известных нам описаний общинно-родового башенного жилища, сделанное на высоком профессиональном уровне. Витрувий как бы подводит итог на рубеже I в. до н. э. и I в. н. э. потоку массовой информации об оборонном бревенчатом башенном жилище Закавказья.

На основании текста Витрувия было выполнено несколько графических реконструкций колхидских жилых башен. Одна из первых принадлежит Чезаре-Чезарини в начале XVI в. Он рисует жилище башенной

⁷⁰ Евстафий, Комментарии к «Землеописанию» Дионисия 765 (Латышев, ВДИ, 1948, № 1, стр. 255).

⁷¹ Гесихий Александрийский, Лексикон (Латышев, ВДИ, 1948, № 4, стр. 269).

⁷² Стефан Византийский. Описание племен (Латышев, ВДИ, 1948, № 3, стр. 322—323, 327, 329).

⁷³ Витрувий, «Десять книг об архитектуре», кн. II, гл. 1, § 4, пер. Ф. А. Петровского, М., 1936, стр. 41 сл.

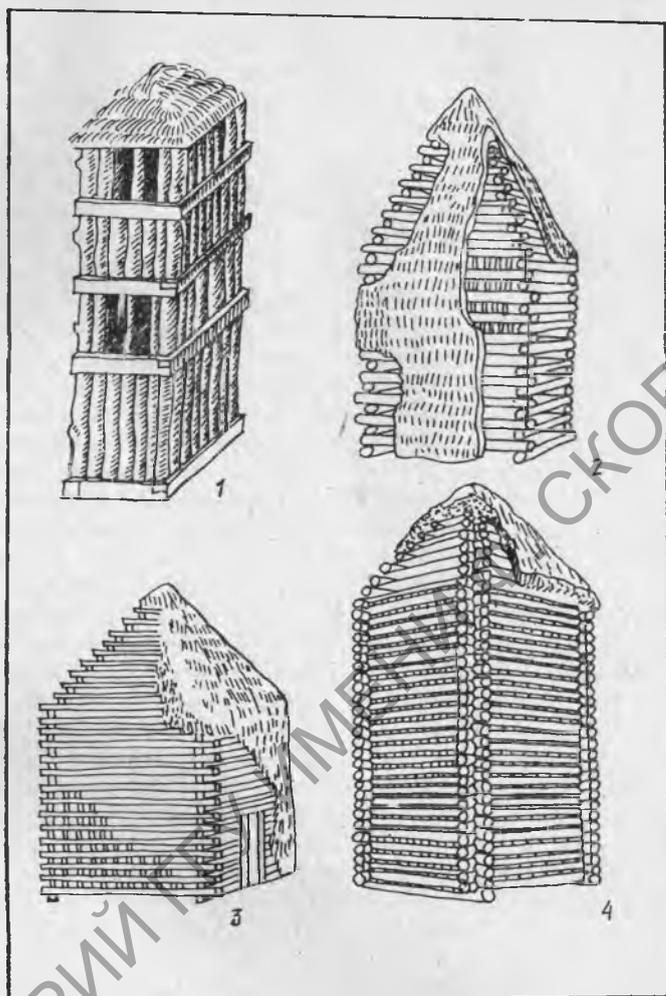

Рис. 10. Реконструкции колхидской жилой башни, иллюстрирующие текст Витрувия: 1 — Чезаро-Чезарини, 1541 г.; 2 — Перро, 1664 г.; 3 — Марини, 1836 г.; 4 — Джандиери и Лежава

формы, но допускает ошибку в изображении конструктивных элементов (рис. 10, 1). Перро в XVII в. и Марини в первой половине XIX в., в основном правильно изображая конструктивную схему, отклонялись от текста при трактовке объемного решения, рисуя вместо башенных одноэтажные дома (рис. 10, 2, 3). В дальнейшем, вопреки ясному тексту Витрувия, многие исследователи продолжали изображать одноэтажный объем вместо башенного⁷⁴.

Заблуждение это, очевидно, основано на ассоциации башенных форм жилища только с феодально-замковой или фортификационно-городской архитектурой. Возможно, что для Чезаре-Чезарини в начале XVI в. башенное жилище не казалось необычным. Судя по живописи Раннего

⁷⁴ Л. В. Сумбадзе, Колхидское жилище по Витрувию, Тбилиси, 1960, стр. 17; В. С. Гагошидзе, Конструкция древнейшего типа колхидского жилого дома по Витрувию, Изв. АН ГССР, Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства, 1974, № 4, стр. 161.

Возрождения, во многих сельских районах Италии XV в. можно было встретить башенное жилище. Строго следуя тексту Витрувия, предлагаемая нами реконструкция (рис. 10, 4) воспроизводит бревенчатую жилую башню с пирамидально-ступенчатым перекрытием.

Включение Витрувием в свой труд об архитектуре именно описание колхидских жилых башен указывает на Колхиду как на один из значительных очагов массового башенного бревенчатого жилища на территории Закавказья. В период между I в. до н. э. и VI в. н. э. большая группа латинских писателей упоминает о моссиниках, живущих в башнях. Среди них: Помпоний Мела в «Землеописании» (I, 106), Плиний Старший в «Естественной Истории» (IV, 11), Валерий Флакк в «Аргонавтике» (IV, 615), V (150), Юлий Гонорий в «Описании мира» (A, 38), и Присциан в «Землеописании» (731—749). Колхидские башни, описанные Витрувием, сделаны из бревен, уложенных горизонтально от основания башни до верха кровли (рис. 10, 4). Спустя пять веков Присциан описывает аналогичный прием сооружения стен и кровли бревенчатых башен у моссиников. Найденный в Сванетии золотой амулет (рис. 1, 1, 2), датированный рубежом I тыс. до н. э., и находки остатков бревенчатых сооружений, охватывающих период II—I тыс. до н. э.⁷⁵, указывают на то, что задолго до первых античных сообщений на территории Закавказья существовала развитая башенная бревенчатая культура.

Обилие сведений об укрепленных поселениях и башенном жилище на территории Закавказья у древних авторов и почти полное отсутствие их в последующие периоды отражают глобальный процесс постепенного исчезновения этой формы жилища на всех континентах.

В Африке на фоне пестрой картины живущих бок о бок и сменяющих друг друга племенных структур⁷⁶ истории развития «каменной культуры» Зимбабве-Мономотапа (1000—1500 гг.) казалась загадкой. Вместе с тем открытие на территории Зимбабве (бывшая Родезия), Мозамбика, Ботсваны, на севере Трансвааля (ЮАР) около 400 руин каменных укрепленных селений, датированных VI—VII вв.⁷⁷, легко объясняет происхождение крепостных форм и высокую культуру обработки камня в средневековой Мономотапе. Военные конфликты на стадии общинно-родовых отношений вынуждали местные племенные группы в целях самозащиты сооружать оборонные башенные селения. И именно эти племена заложили основу для расцвета в дальнейшем каменного зодчества в Зимбабве. По археологическим данным мошоны в междуречье Замбези — Лимпопо сооружали из камня оборонное жилище с VIII до XIX вв.⁷⁸.

Древняя индейская культура возникла и сформировалась независимо от Старого Света. Многочисленные археологические материалы указывают на следы существования оборонной башенной архитектуры на территории Америки начиная с конца II тыс. до н. э. (ольмеки)⁷⁹. На тер-

⁷⁵ М. И. Артамонов, Достижения советской археологии, ВДИ, 1939, № 2/7, стр. 127; Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, Л., 1949, стр. 73; К у ф т и н, Материалы к археологии Колхиды, II, стр. 151, 172 сл., 238, 253; Т. К. М и к е л а д з е, Археологические исследования в низовьях Риони, Тбилиси, 1978, стр. 49—52, табл. XVI—XIX; Д. Д. Качарав, Г. Г. Кипиани, О. Д. Лордкипанидзе, Р. Б. Пугуридзе, Археологические раскопки по верхней террасе городища Вани IV, Тбилиси, 1979, стр. 30—33.

⁷⁶ Дж. Д. Кларк, Доисторическая Африка, М., 1977, стр. 178.

⁷⁷ Л. А. Фадеев, Мономотапа. Древняя африканская цивилизация в междуречье Замбези — Лимпопо, «Африканский этнографический сборник», т. IV, М.—Л., 1962, стр. 4, 22, 67 сл., 87; Жак Маке, Цивилизация Африки южнее Сахары. История, М., 1974, стр. 101 сл.

⁷⁸ Н. А. Ксенофопова, Народ Зимбабве, М., 1974, стр. 29, 53, 57.

⁷⁹ В. Гуляев, Идолы прячутся в джунглях, М., 1972, стр. 102—115; «Америка и Старый Свет в доколумбову эпоху», М., 1968, стр. 105.

ритории юго-западных штатов США с VI тыс. до н. э. возникают первые очаги земледельческих культур⁸⁰. В этих же местах сохранились руины многочисленных ансамблей поселений «пуэбло» (pueblo по-испански означает «селение», «община») оборонного характера, датируемых VII—VIII вв.

Для периода «великих пуэбло» (XII—XIII вв.) характерно строительство башен и каменных неприступных крепостных селений монолитной ячеистой структуры. Их соорудили в скалах (cliff dwellings), главным образом в каньонах рек Колорадо и Сан-Хуан. Некоторые укрепленные селения, высеченные в скалах, достигали восьми ярусов. Пуэбло Бонито в каньоне Чако (Нью-Мексико), постройку которого относят к рубежу I—II тыс. н. э., имеет до 800 одинаковых комнат-сот. К концу XIII в.

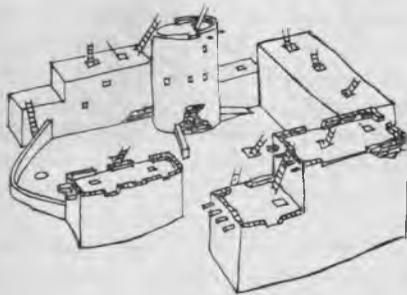

Рис. 11. Фрагмент структуры Меза Верде, США (реставрация по Меритью)

индейцы ушли из пуэбло, предположительно, из-за засухи, продолжавшейся 25 лет. Пуэбло Меза Верде, вырубленное в мягких породах под нависающими скалами Столовой горы, в огромных нишах-гротах долины р. Сан-Хуан в Верхнем Колорадо, включает в свою композицию все элементы оборонной архитектуры, применявшейся в Старом Свете⁸¹. Многоэтажные комплексы состоят из прямоугольных, квадратных и круглых в плане домов-крепостей, с глухими безоконными стенами и затрудненными входами, расположенными в самом верхнем этаже или на крыше (рис. 11). Попадали в эти проемы-входы или люки

при помощи приставных, легко убирающихся стремянок.

В Нью-Мексико в каньоне р. Галлины в 1933 г. экспедиция во главе с Френком Габеном обнаружила грандиозный ансамбль из 500 жилых башен⁸². Скалистая труднопроходимая местность служила дополнительным барьером, защищавшим племя, жившее в каньоне, от внешнего мира и враждебных вторжений. Башни типа домов-крепостей в основном четырехугольные, у некоторых из них срезаны углы, отчего они кажутся почти круглыми. При высоте 7,5—9 м внутренние размеры башенных домов колеблются в пределах 6 × 6 м. Связь между этажами осуществлялась через лазы в перекрытиях, по съемным лестницам. Стены возведены из необработанных блоков местного песчаника, крыши деревянные. Датируются «дома-крепости» XII—XIII вв. Традиция устройства входа в жилище наверху сохранилась у североамериканских индейцев до сих пор.

Оборонное башенное жилище в гористой части Перу существовало задолго до инкского периода. В IX—VI вв. до н. э. появляются городища. В Центральной части горного Перу оседлое население культуры уари жило в поселениях укрепленного типа. В долине реки Чанкай (центральное побережье Перу) на искусственных платформах высотой 3—6 м располагались комплексы домов с башнями⁸³. В районе озера Титикака,

⁸⁰ И. Е. Никонов, Пособие по археологии, III. Некоторые культуры Америки в доколумбовый период, М., 1976, стр. 9.

⁸¹ «Индейцы Америки. Этнографический сборник», т. 26, М., 1955, стр. 119—123; И. Е. Никонов, ук. соч., стр. 11.

⁸² С. W. Сегам, The First American. A Story of North American Archaeology, N. Y., 1972, стр. 170, 205, 226—227, 327—334.

⁸³ В. А. Башилов, Древние цивилизации Перу и Воливии, М., 1972, стр. 17, 46—50, 72—79, 144; Р. В. Кинжалов, Искусство древней Америки, М., 1962, стр. 167 сл., 172—175.

на вершинах крутых склонов и холмов юго-восточного берега обнаружены многочисленные руины укрепленных поселений с башенными домами.

Монолитные селения, состоящие из плотно примыкающих друг к другу домов, располагались ступенчато по склонам неприступных гор. Многообразие типов башенных селений и отдельных домов-крепостей отмечается на протяжении длительного исторического периода⁸⁴. Инка Гарсиласо де ла Вега сообщает, что инкам (горное племя) для захвата власти пришлось разрушить огромное количество замков, крепостей, укрепленных селений, принадлежавших отдельным племенным группам, причем и маленькие селения были отлично укреплены. Умение захватывать крепости входило в курс обучения инков⁸⁵. На сосуде из обожженной глины, хранящемся в музее в Куско, изображен дом-крепость (рис. 8, 4), в нижнем этаже которого размещаются домашние животные — ламы⁸⁶.

Испанские конкистадоры в начале XVI в. открыли в Колумбии, в районе Боготы, «долину замков». Так называли испанцы эти укрепленные комплексы муисков, ассоциируя их с пиренейскими замками. Индейцы одного из племени муисков жили в бревенчатых крепостях, размещенных на холмах и скалистых вершинах⁸⁷. Сопоставление имеющихся данных показывает, что формы оборонного башенного жилища в доколумбовой Америке и Старом Свете типологически близки, подчиняясь одним и тем же общим закономерностям развития.

Башенное жилище при развитых классовых отношениях сохраняется в основном лишь на территориях, разделенных горными массивами, пустынями и другими естественными преградами. Условия изоляции на разных стадиях развития играют различную историческую роль. Горные области Переднего Востока, Средней Азии, Китая, Закавказья и Центральной Америки на заре цивилизации опережали в развитии остальные районы, а затем утратили ведущее положение, и на первый план вышли равнинные территории. В дальнейшем это отставание увеличивается, и в то время как на равнинах уже существовали централизованные образования, в горах сохранились первобытнообщинные отношения⁸⁸. Возможность географической самоизоляции, больше чем какой-либо другой фактор, подготовила почву для длительного сосуществования мировых центров культур и расположенных в непосредственной близости от них догосударственных формаций.

Общий процесс неравномерного социально-экономического и культурного развития племенных групп и государственных систем протекал повсеместно в Евразии и на других континентах с различными хронологическими сдвигами, исчислявшимися на отдельных территориях и внутри этих территорий тысячами, и сохраняется в некоторых странах Азии, Африки, Америки, Австралии и на ряде островов до настоящего времени. Г. Чайлд отмечал, что по абсолютной хронологии каменный век в Месопотамии окончился больше чем за 3500 лет до н. э., в Дании — около 1600 г. до н. э., а в Новой Зеландии — в 1800 г. н. э.⁸⁹

Сопоставление сведений об укрепленном жилище разных стран пока-

⁸⁴ В. Ш о л ь ц, Индейцы озера Титикака, М., 1970, стр. 61—79.

⁸⁵ Инка Гарсиласо де ла В е г а, История государства инков, Л., 1974, стр. 92—93, 144, 362, 369, 373, 394, 503—505.

⁸⁶ Г. Н. П о п о в, Культура точного знания в древнем Перу, Пг., 1922, стр. 22, рис. 5.

⁸⁷ С. А. С о з и н а, Муиски. Еще одна цивилизация древней Америки, М., 1969, 9—19, 50—54; о н а ж е, На горизонте Эльдорадо, М., 1972, стр. 60.

⁸⁸ П и о т р о в с к и й, Археология Закавказья, стр. 114; М е л и к ш в и л и, К истории древней Грузии, стр. 195—197; Б о н г а р д - Л е в и н, И л ь и н, ук. соч., стр. 210; Р. В. К и н ж а л о в, Искусство древних майя, Л., 1968, стр. 15.

⁸⁹ Г. Ч а й л д, Прогресс и археология, М., 1949, стр. 24, 26.

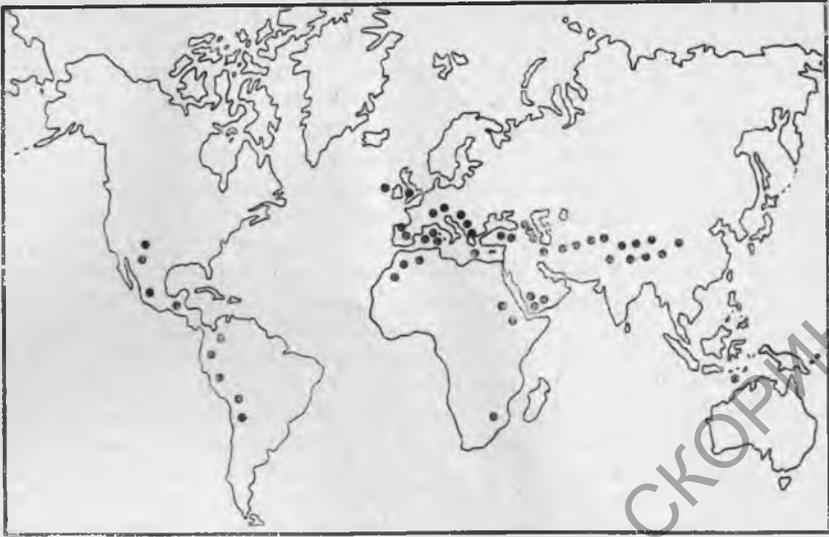

Рис. 12. Карта очагов распространения башенного общинного жилища

зывает, что первичные очаги и реликтивно сохранившиеся еще в XIX—XX вв. оборонные ансамбли в основном размещаются в широтном направлении — в зоне 20°—45° северной широты, на территории Евразии, Африки, Америки и на некоторых островах Тихого и Атлантического океанов и Средиземного моря (рис. 12). Места наибольшей концентрации оборонного жилища в основном совпадают с центрами происхождения и центрами разнообразия культурных видов растений, обозначенными Н. И. Вавиловым⁹⁰ и откорректированными и дополненными П. М. Жуковским⁹¹. В том и другом случае требования к выбору места сводились в основном к осуществлению возможности длительной оседлости в условиях, гарантирующих самоизоляцию.

В Азии такими областями являются высокогорные районы Китая (в особенности Тибет)⁹², Индии⁹³, Непала⁹⁴, Средней Азии⁹⁵ и Передней Азии⁹⁶. В Европе в первую очередь следует назвать район Кавка-

⁹⁰ Н. И. Вавилов, *Ботанико-географические основы селекции. Избранные произведения в двух томах*, т. I, Л., 1967, стр. 170—171, 196 сл.; он же, *Великие земледельческие культуры доколумбовой Америки и их взаимоотношения*, т. II, М., 1960, стр. 150 сл., 178 сл.

⁹¹ П. М. Жуковский, *Культура растений и их сородичи*, Л., 1971, стр. 6—7.

⁹² Линь Яо Хуа, *Ляньшанские ицзу*, Шанхай, 1947; *Ляньшанские ицзу*, (на кит. яз.), «Национальность» (Миньцзу Хуабао), 10, 1962; Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, *Народы, расы, культуры*, М., 1971, стр. 194; И. и Н. Чебоксаровы, *Полевые этнографические работы в Китайской Народной Республике*, СЭ, 1959, № 5, стр. 132; Ю. И. Журавлев, *Тибетские народности и этнографические группы тибетцев Китайской Народной Республики*, там же, стр. 71—92.

⁹³ Бонгард-Левин, Ильин, *ук. соч.*, стр. 5, 91—92, 111, 324 сл., 660—662; Книга Марко Поло, М., 1955, стр. 75; Бируни Абурейхан, *Избранные сочинения*, т. I, Ташкент, 1957, стр. 202 сл.

⁹⁴ Ю. И. Журавлев, *Поездка в Непал*, СЭ, 1962, № 5, стр. 129—138; Д. Н. Костинский, *Непал*, М., 1960, стр. 41—43; М. Пессель, *Путешествие в Мустанг и Бутан*, М., 1978. Автор — один из первых европейцев, посетивший в 1964 г. Непальскую провинцию Мустанг, где он обнаружил руины 20 крепостных селений, которые были разрушены в связи с организацией в 1380 г. княжества Мустанг.

⁹⁵ «Народы мира. Народы Восточной Азии», М.—Л., 1965, стр. 241, 254.

⁹⁶ В. А. Левина, О. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова, *Архитектура туркменского народного жилища*, «Труды ЮТАКЭ», т. III, М., 1953, стр. 8—11, 14—19, 27—29; А. З. Розенфельд, Qalā (кала) — тип укрепленного иранского поселе-

за ⁹⁷, горные области Балканских стран ⁹⁸, Альпы ⁹⁹, Пиренеи ¹⁰⁰, а также Средиземноморский бассейн с островами — Крит, Сардиния, Балеарские острова. На африканском континенте совпадение центров существования древних земледельческих культур с укрепленным жилищем наблюдается в Южной Африке (Зимбабве, Ботсвана, ЮАР), в Эфиопии и Северной Африке (Марокко, Алжир) ¹⁰¹. Но если в Старом Свете полоса распространения идет в основном в широтном направлении, то в Новом Свете — в меридиональном, в соответствии с направлением горных хребтов. В Южной и Северной Америке очаги размещаются в высокогорных районах Перу, Чили, Эквадора, Колумбии, Мексики и в горных областях на территории юго-западных штатов США.

Анализ размещения реликтовых форм башенного жилища на отдельных континентах показывает, что большинство из них сооружалось в эпоху развитых классовых формаций и многие — в окружении стран, достигших уровня капиталистических отношений. Однако эти башенные комплексы отражают остаточные явления общинно-родовых большесемейных организаций ¹⁰² и генетически связаны с оборонными формами жилища, возникшими в доисторический период. Таким образом, многие башенные ансамбли приобретают достоверность археологических материалов, независимо от времени сооружения отдельных построек. И они могут полноправно привлекаться наряду с первостепенными источниками к дешифровке древних текстов и определению возможных объемно-пространственных композиционных решений оборонных домов и поселений, принадлежащих отдельным племенным группам на ранних этапах развития общества (рис. 13—15).

Одним из важных источников, пополняющим недостающие звенья в общей истории развития типов древнего башенного жилища, являются памятники мемориального и культового зодчества, воспроизводящие привычные для умершего формы жилища. Многие из них повторяли основные элементы жилой оборонной архитектуры — башни и дома-крепости.

ния, СЭ, 1951, № 1, стр. 30; Г. А. Пугаченкова, Искусство Туркменистана, М., 1967, стр. 83—85; Д. С. Робертсон, Кафиры Гиндукуша, Ташкент, 1906, стр. 158—168, 170; В. А. Крачковская, Жилище в Хадрамауте, СЭ, 1947, № 2, стр. 170—175; А. И. Першиц, Арабы Йеменской республики, СЭ, 1963, № 3, стр. 137—147.

⁹⁷ Джандиери, Лежава, Архитектура горной Грузии, стр. 10—11, рис. 1—3, 36—43; они же, Народная башенная архитектура, стр. 57—60, 62—68, рис. 31, 32, 33, 34, 35, 107—117.

⁹⁸ О. Р. Будина, Народное жилище албанцев. Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы, М., 1968, стр. 104, 108—118; М. С. Кашуба, Типы народного жилища Югославии в XIX в., Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы, М., 1968, стр. 84—97; Ю. В. Иванова, Народное жилище Греции. Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы, М., 1968, стр. 136.

⁹⁹ Крачковская, Сельское жилище Италии, стр. 266, 269—270.

¹⁰⁰ Н. Н. Садомяская, Традиционное жилище народов Испании (XIX—XX вв.) Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы, М., 1968, стр. 283, 288, 289, 292, 300—301.

¹⁰¹ М. В. Райт, Народы Эфиопии, М., 1965, стр. 117—119, 130; Д. А. Ольдерогге, Западный Судан в XV—XIV вв., «Очерки по истории и истории культуры», М.—Л., 1960, стр. 95—96, 115—116; Огюстен Бернар, Северная и Западная Африка, М., 1949, стр. 21, 73, 93—96, 164—165, 170—173, 336, 431; Мурат Бен Эмбаров, Архитектура без архитекторов в Марокко, «Международный ежегодник», Лозанна, 1967, стр. 120—129; И. А. Генин, Алжирцы, СЭ, 1962 № 4, стр. 145—149.

¹⁰² И. Иванюк и М. Ковалевский, В Сванетии, «Вестник Европы», 1886, VIII, стр. 568—612; IX, стр. 5—59; Р. Д. Эрстов, Заметки о Сванетии, Зап. кавк. отд. геогр. об-ва, 1897, XIX, прил. 2, стр. 1—3; Е. И. Крупнов, История Ингушетии, ВДИ, 2/7, 1939, стр. 88—90; Г. Я. Мовчан, Социологическая характеристика старого аварского жилища, «Кавказский этнографический сборник», V, М., 1972, стр. 120—123.

Рис. 13. Дер. Лахири, Сванетия, Грузия

Обе формы получили распространение в культовых и мемориальных сооружениях Евразии, Африки и Америки на территории именно тех стран, где в прошлом, согласно древним источникам, получило развитие оборонное жилище. Так, например, оссуарий в виде дома-крепости из Ханаана относится к IV тыс. до н. э., а погребальные башни *чульпы* воздвигались в южной части нагорья Перу и Боливии задолго до эпохи инков. Чульпы (круглые, квадратные и прямоугольные в плане) достигали трех этажей и выше. Тело усопшего помещали на самом вершине башни¹⁰³. Есть предположение, что в пуэбло Северной Америки жилище в прошлом киви затем использовались для обрядовых целей.

Историческая ценность существующих или существовавших до недавнего времени реликтовых форм укрепленных жилых ансамблей многих стран заключается в том, что они наряду с анализом древних источников, иллюстрирующих развитие этого типа жилища, позволяют установить ряд общих закономерностей социально-экономического характера, вызывающих появление оборонного жилища, одной из форм которого являются башенные ансамбли. Укрепленное жилище отражает как в зеркале многочисленных градаций общественных отношений, форму ведения хозяйства, бытовой уклад и мировоззрение.

Оборонное жилище возникает на различных стадиях разложения общинно-родовых отношений. Преобладала смешанная земледельческо-скотоводческая система ведения сельского хозяйства, которая была на ранних стадиях общественных отношений наиболее эффективной. В зависимости от характера окружающих условий одна из этих форм прева-

¹⁰³ К и н ж а л о в, ук. соч., стр. 189; Ш о л ь ц, ук. соч., стр. 72, 100, 109; Б а ш и л о в, ук. соч., стр. 79—81.

Рис. 14. Общий вид дер. Шатили, Хевсуретия, Грузия

лировала. Выбор планировочного и объемно-пространственного решения жилища определялся характером доминирующей угрозы: набеги извне или посягательства на территорию, самостоятельность существования, или межплеменные, внутриплеменные и межродовые распри. На выбор формы укрепленного жилища большое влияние оказывал также институт кровнчества, сохранявшийся остаточно даже в классовых обществах. Удачное сочетание естественных преград (в виде холмов, скал, вершин гор, крутых берегов, мысового расположения) с многообразными формами искусственных укреплений позволяло отражать превосходящие силы противников, стоящих на более высокой ступени культурного развития. Фактически только в эпоху открытия пороха и применения огнестрельного оружия башенные жилища стали уязвимыми.

Наглядным примером из недавнего прошлого можно проиллюстрировать действенность укрепленного жилища в борьбе за независимость. Народы, жившие на севере Камеруна, в конце XVIII — начале XIX в. подверглись нашествию полукочевников-скотоводов фульбе. Установив власть над населением равнинных народов, они оказались не в состоянии подчинить себе горцев Макдара, которые продолжали жить независимыми родоплеменными общинами в укреплениях, выстроенных на вершинах гор. Крепость, принадлежавшая вождю племени, отличалась от родового

Рис. 15. Башенное жилище в Южном Геджасе, Йемен

укрепленного жилища только размерами и более развитой системой оборонительных элементов ¹⁰⁴.

Массовое укрепленное жилище исчезает с образованием централизованных государственных систем. Симптоматично, что именно в тех районах Европы, где, по свидетельству древних источников, было распространено оборонное жилище, в средние века появляются указы, запрещающие крестьянам строить укрепленные дома. Башенные жилища разрушались также в результате многочисленных войн между отдельными племенными группами. Эти жилища могли покинуть в результате стихийных бедствий — землетрясений, оползней, обвалов, наводнений. Планировочные решения укрепленных типов поселений и отдельных домов связаны

с большими неудобствами бытового характера, строить и поддерживать их трудно, жить в них плохо. И если в связи с изменившейся почему-то исторической обстановкой надобность в оборонных атрибутах отпала в течение длительного периода, простой здравый смысл подсказывал (теперь уже добровольно) от них отказаться. В этих случаях при перестройке старых или организации новых поселений и отдельных домов на первый план выходит удовлетворение бытовых нужд.

Башенное жилище длительно сохранялось в окружении классовых формаций в двух случаях: во-первых, когда общинно-родовые группы в нем нуждались и могли самоизолироваться от внешнего мира; во-вторых, в тех случаях, когда в сосуществовании с укрепленными формами жилища были заинтересованы окружающие их централизованные государственные системы. Симбиоз такого рода имел место в Месопотамии II тыс. до н. э., где сельская община была основной податной единицей, в Йемене со времени организации Сабейского государства, в Малой Азии I—III вв. н. э. во время римского владычества, когда существовали самоуправляющиеся сельские общины, в Южной Америке, у инков, где не было рабовладельческого строя и покоренные племена были данниками, сохраняя общинные отношения, в феодальной Грузии, где жители горных районов (Сванетия, Рача, Южная Осетия, Хевсуретия, Тушетия) жили большесемейными родовыми общинами и на протяжении сотен лет откупались налогами, одновременно участвуя в охране северных границ государства ¹⁰⁵. Судя по изображению городов на рельефах, это же по-

¹⁰⁴ А. С. Орлов, Уровень общественного развития народов Камеруна к началу европейской колонизации Африки, СЭ, 1953, № 5, стр. 47—56.

¹⁰⁵ Дьяконов, Проблема вавилонского города..., стр. 34—35, 54, 60; Лундин, Город в древней Южной Аравии, стр. 34; Кругликова, Восток в позднеантичное время, стр. 68—69; М. А. Полиевктов, Посольство стольника Молча-

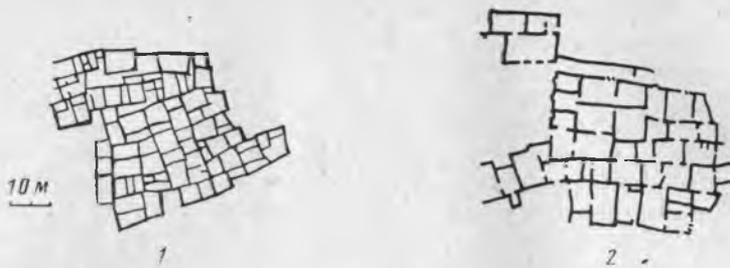

Рис. 16. Схемы селений оборонного характера сотообразной структуры: 1 — Чатал-Гуюк, Анатолия (по Мелларту); 2 — Тал-и Бакун А, Иран (по Нагелю); 3 — селение в Гималаях, на границе с Тибетом, Непал

ложение существовало в Мидии и на границах Ассирии в VIII—VII вв. до н. э.

Одним из видов древнейшей структуры селений оборонительного характера была планировка, состоявшая из плотно примыкавших друг к другу отдельных жилых секций — овального, круглого или прямоугольного очертания в плане. Глухие безоконные первые этажи с успехом заменяли оборонные стены. По такому принципу построено в VII—V тыс. до н. э. поселение Чатал-Гуюк (Анатолия), сплошь состоявшее из прямоугольных в плане «домов-крепостей», в которые попадали по приставным лестницам через крыши (рис. 16, 1), и в начале IV тыс. до н. э. поселение Тал-и Бакун А близ Персеполя (Иран) (рис. 16, 2). Никаких улиц, площадей или дворов в этих селениях не предусматривалось. Тот же монолитный характер застройки реликтивно сохранился в селении из Непала (рис. 16, 3), расположенном на границе с Тибетом.

В дальнейшем объемно-пространственные решения поселений усложняются. Развитие жилища по вертикали открыло путь к изобретению нова и дьяка Иевлева в Имеретии 1650—1652 гг., Тифлис, 1926, стр. 122—124; Инка Гарсиласо де ла Вега, ук. соч., см. прим. Ю. В. Кнорозова.

и совершенствованию активных методов защиты. В качестве примера решения застройки сотообразной структуры с жилыми оборонительными стенами можно привести городище Элькен-Тепе в Южном Туркменистане, сооруженное в начале I тыс. до н. э. (рис. 17, 1), жилые массивы в нем выполняли роль оборонительных стен. Г. А. Пугаченкова сравнивает их с существующими поселениями в глухих районах Афганистана, где дома с бойницами расположены сплошной лентой по внешнему контуру селения¹⁰⁶. Аналогичные защитные функции выполняли жилые стены в городах Харабаталь-Кутра (рис. 17, 2) в Йемене (I—III вв. н. э.)¹⁰⁷.

В пуэбло Бонито (США) (рис. 17, 3), построенном на плато, круглая оборона обеспечивается ярусным размещением по дуге сотообразных, равновеликих, прямоугольных жилых ячеек. Но если в пуэбло Бонито ступенчатая композиция создана искусственно, то в селении Шатили (Грузия) она естественно размещалась на крутом скалистом рельефе (рис. 17, 4). Роль оборонных стен в этом селении выполняют 3—4-этажные дома-крепости, компактно сгруппированные по периметру застройки. Все семь приведенных селений (рис. 16 и 17) характеризуются композиционной завершенностью. Их объединяет единый принцип организации сплошной линии кольцевой обороны, состоящей из примыкающих друг к другу 2—4-этажных жилых домов с внешними глухими стенами. Л. Вулли описывает такой же способ, примененный для укрепления Ура после его разрушения, в период Иссини и Ларсы. Он предполагает, что глухие первые этажи жилых домов служили крепостными стенами¹⁰⁸. Но если оборонительные стены города были элементом жилой, а не фортификационной архитектуры, то и охрана, видимо, была в руках горожан, а не военного гарнизона. Несомненная генетическая связь этого приема с доклассовыми структурами, где оборонные функции принадлежали всем жителям поселения, может служить косвенным указанием на ослабление централизованной государственной власти в Уре II тыс. до н. э. В древней Индии (VI—II вв. до н. э.) застройка городов носила монолитно-ячеистый характер, в нижних этажах вместо окон были бойницы и встречались 3—4-этажные дома¹⁰⁹.

Наряду с укрепленными поселениями, где отдельные дома являлись лишь частью единого планировочного решения задачи общей обороны, древние источники указывают на существование поселений, в которых нашли отражение интересы обеспечения не столько коллективной, сколько индивидуальной обороны, например угаритские *dimtu*¹¹⁰, нураги в Сардинии¹¹¹. Дома-крепости и дома с башнями изображены на фоне городов Кишессу и Суз как отдельно стоящие, не связанные друг с другом дома (рис. 7). Укрепленные ансамбли в Сирии представляли законченные, самостоятельные формы башенного жилища (рис. 8, 5а; 7). В Причерноморье (у совр. Херсона) находились селения со свободно расставленными башенными ансамблями¹¹². Пятьсот жилых башен из индейских селений в каньоне р. Галлины в Нью-Мексико следует рассматривать как

¹⁰⁶ Пугаченкова, Пути развития архитектуры Южного Туркменистана, стр. 17.

¹⁰⁷ П. А. Грязневич датирует это городище по обнаруженным на нем надписям. Приношу ему благодарность за предоставление материала до публикации.

¹⁰⁸ Л. Вулли, Ур Халдеев, М., 1961, стр. 172.

¹⁰⁹ Бонгард-Левин, Ильин, ук. соч., стр. 660.

¹¹⁰ Янковская, Общинное самоуправление в Угарите, стр. 51—92. В списках угаритских поселений есть «*dimtu*». Известны четыре «*dimtu*», расположенные в поселениях Хулда (PRU, III, 15, 132), Хаппу (PRU, III, 16, 182) и Гавалу (PRU, III, 16, 201) и несколько «*dimtu*» в поселении Лабнима (PRU, III, 15, 139).

¹¹¹ Lilliu, ук. соч., прим. 50.

¹¹² Блаватский, Очерки военного дела в античных государствах, стр. 103—105; Смирнов, Скифы, стр. 37.

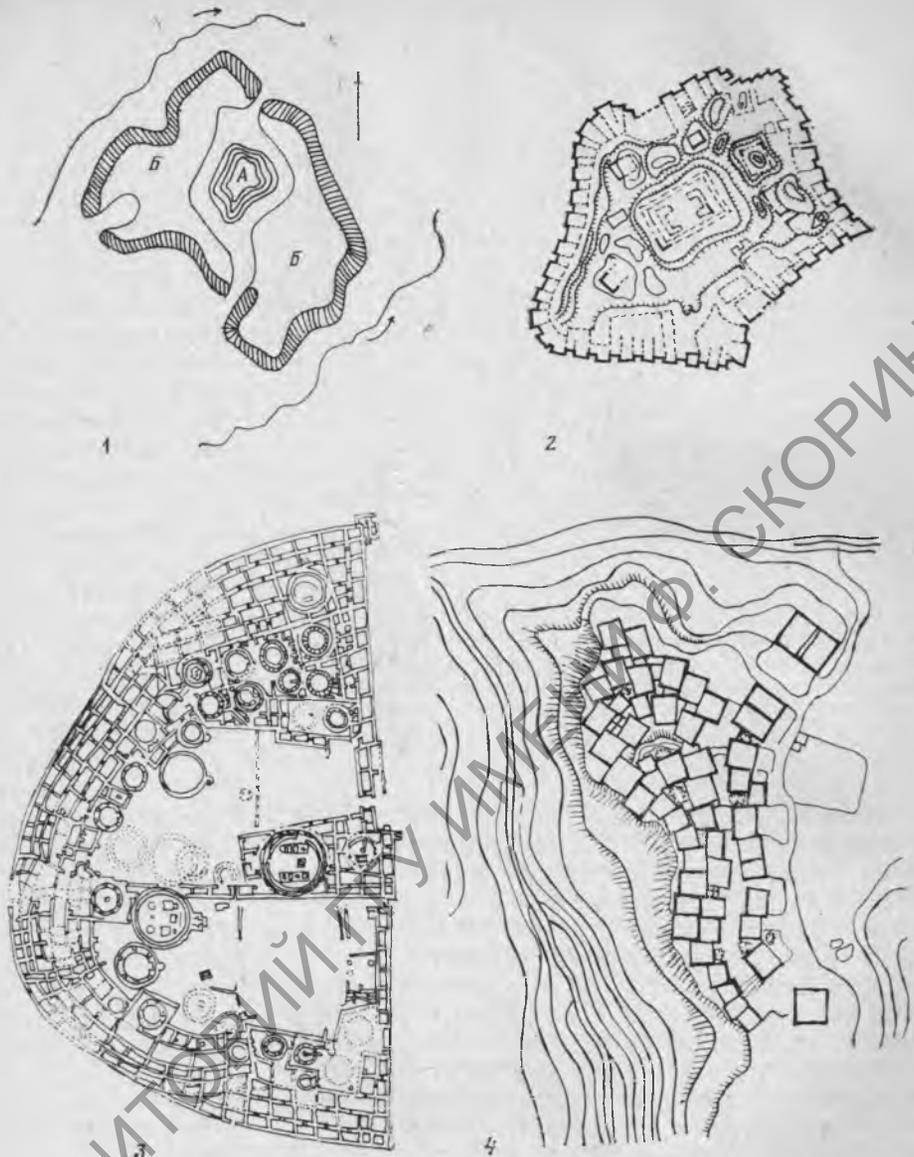

Рис. 17. Схемы селений с жилыми массивами, выполняющими роль внешних оборонительных стен: 1 — селище в Элькен-тепе в Южном Туркменистане (по Г. А. Пугаченковой); 2 — городище Харабат аль-Кутра в Йемене (по П. А. Грязневичу); 3 — Пуэбло Бонито в штате Нью-Мексико, США; 4 — селение Шатили в Хевсуретии, Грузия

пример индивидуальной системы защиты. Таким образом, в Старом Свете, так же как и в Новом в доколумбовый период, отдельные племенные группы адекватно решали основные планировочные принципы организации укреплённых селений.

Анализ последовательной эволюции отдельных типов жилища указывает на то, что первоначальным ядром было однозальное помещение криволинейной или прямоугольной конфигурации в плане, с глухими стенами, единственным проемом-входом заниженной высоты и открытым очагом в центре. Башенные дома на ранних стадиях развития поэтажно

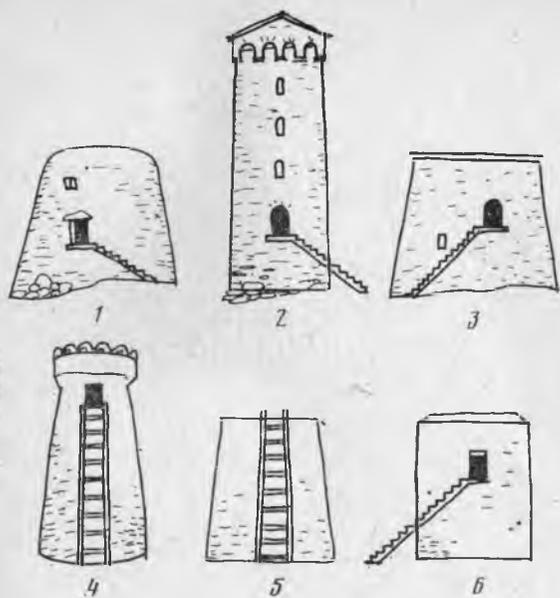

Рис. 18. Расположение входов в башенное жилище: 1 — нурага Сардинии, Италия; 2 — башня из Сванетии, Грузия; 3 — дом-крепость, Средняя Азия; 4 — башня из Абидоса, Египет; 5 — башня в штате Нью-Мексико, США; 6 — башня из дер. Квацхелиби, Грузия

повторяют эту структуру. В однозальном толосе благодаря круглому очертанию в плане была решена задача получения наибольшего размера площади при минимальной затрате материалов на наружные стены. В круглых в плане башнях каждый этаж состоит из однозального помещения. На примитивном уровне камнеобрабатывающей техники, без знания свойств вяжущих растворов и пластических материалов, в древнейшем по типу однозальном, прямоугольном, пятиэлементном дольмене, состоящем из четырех блоков-стен и одного блока-крыши, было найдено эмпирическим путем единственное конструктивно возможное осуществление в камне замкнутого пространства. Пле-

менам, строителям первых дольменов, была посильна задача перемещения многотонных блоков, тогда как расчленение, обколка и притеска каменных глыб представляла почти непреодолимые трудности. В восточной части Сирии и Иордана встречаются двухэтажные дольмены¹¹³. По одному зальному помещению в этаже имеют и прямоугольные башни, изображенные на рис.

Племена, сооружавшие свои жилища (в том числе и башенные) в камне, совершенствуя способы его применения и строительную технику, были создателями высокой культуры обработки камня в додинастическом Египте, в Иерихоне докерамического периода, задолго до «империи» Мономотапа в Зимбабве и в додольмекский период в Центральной Америке. Общая тенденция древних строителей вести кладку каменных стен крупными блоками (максимально сокращая этим приемом трудоемкий процесс распиловки и шлифовки отдельных камней) хорошо прослеживается на конкретном примере техники сооружения стен в нурагах Средиземноморского бассейна, домах-крепостях сабейского периода в Йемене, сирийских башенных домах и грандиозных ансамблях индейского пуэбло Северной Америки.

Общность планировочных решений укрепленных поселений и отдельных домов дополняется сходством в выборе форм оборонных мероприятий. Использование верхнего, венчающего этажа для оборонительных целей начинается, очевидно, почти одновременно с развитием жилища по вертикали. Организации затрудненного входа придавалось первостепенное значение. Всюду, где строились башенные жилища, входы в них стремились приподнять над землей (рис. 18). Расстояние от земли до проема-входа колеблется в широких диапазонах. Прием расположения

¹¹³ В. И. Марковин, Дольмены Западного Кавказа, М., 1978, стр. 297.

входов на самом верхнем этаже башен применялся в III тыс. до н. э. в древнем Египте и Двуречье, а в VII—XV вв. он нашел массовое применение в башнях индейцев Северной Америки (рис. 18, 4, 5). Удачно найденные решения, способствующие усилению обороноспособности (пониженные входы, глухие стены, формы боевых коронок, способы сообщения по вертикали при помощи переносных лестниц и другие элементы), повсеместно обнаруживают типологическое сходство на протяжении тысячелетий.

На следы давно исчезнувших форм жилища может указывать традиция сохранения или повторения той или иной формы в хозяйственных сооружениях многих стран мира. Так, в Шумере, судя по пиктографическому знаку (№ 49 по Лабату) (рис. 4, 3), жилые дома с башней, и, возможно, также жилые башни, изображенные на протоэламской печати (рис. 4, 7), использовались под зернохранилища. Появление башенных зернохранилищ в Египте также могло быть связано с башенным жилищем, которое наряду с другими типами жилища имело распространение в додинастическом Египте. В Ирландии вплоть до XIX в. фермеры продолжали строить ульеобразные дома типа «би-хайв» со сводчатым перекрытием, повторяя в них древнейшие формы укрепленного жилища Британских островов¹¹⁴. Воспроизведение или использование башенных форм жилища в хозяйственных постройках реликтивно сохраняется до настоящего времени среди отдельных племенных групп в Северной Африке.

Укрепленные поселения в Закавказье появляются уже в эпоху ранней бронзы. Большинство башенных ансамблей, сохранившихся в горных районах Грузии, Осетии, Чечено-Ингушетии и Дагестана, в основном датируется XVI—XIX вв. Более ранние разрушенные башенные ансамбли вновь восстанавливались на тех же местах, теми же строительными приемами.

В героических эпосах, создававшихся у разных народов в различные периоды, отражается история появления, развития и исчезновения укрепленного жилища. Так, «героический век» Шумера относится к концу первой четверти III тыс. до н. э., сванский эпос об Амирани появляется к середине II тыс. до н. э., героические эпосы Греции — к концу II тыс. до н. э., Индии — столетием позднее, а древних германцев — к IV—VI вв. н. э. Но всех их объединяет стадия перехода от племенных структур к консолидации племен. Историко-типологическое сравнение эпических мотивов представляется возможным ввиду сходных условий общественного развития¹¹⁵. С. Крамер указывает, что «героические эпохи вовсе не являются литературным вымыслом, а представляют собой очень важный для истории цивилизации этап»¹¹⁶.

Показательно, что эпическая литература шумеров, индусов, греков, древних германцев и других народов мира включает в себя описания укрепленных поселений и башенного жилища. В «Эпосе о Гильгамеше» Гильгамеш (его деятельность предположительно относят к 2900 г. до н. э.) создает укрепления, причем санкцию на строительство он получает от «совета старейшин», а потом отчитывается и перед собранием граждан¹¹⁷. В «Амирани», древнем грузинском эпосе, среди основных сюжетов фигурируют жилые башни. Башенное жилище неоднократно упоминается в

¹¹⁴ Г р о з д о в а, Сельское жилище на Британских островах..., стр. 305—306.

¹¹⁵ В. М. Ж и р м у н с к и й, Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса, М., 1958, стр. 5, 144 сл.

¹¹⁶ К р а м е р, ук. соч., стр. 232.

¹¹⁷ Эпос о Гильгамеше. Перевод с аккадского И. М. Дьяконова, М.—Л., 1961, стр. 7, 73—74, 94; Е. М. М е л е т и н с к и й, Происхождение героического эпоса, М., 1963, стр. 398—397; И. Т. К а н е в а, Шумерский героический эпос как исторический источник, ВДИ, 1964, № 3, стр. 249.

«Нартском эпосе», у Гомера и раннем германском эпосе¹¹⁸. В старинных сказаниях бардов сообщается о трех волнах пришельцев в Ирландию. Первыми были фомириане, они создали «овечью землю» и строили башни¹¹⁹. Но если в шумерском эпосе Гильгамеш создает укрепления, в эпосах Закавказья и Европы в башнях живут, то в древнем эпическом памятнике Индии — «Ригведе» — Индра повсеместно разрушает укрепленное жилище. Африканский «героический эпос» еще мало изучен. Абурейхан Бируни, передавая сведения о жителях Магриба (Северо-Западная Африка), сообщает, что когда мудрецы предупредили магрибцев о потопах, то те возвели строение, подобное двум пирамидам в «земле Египта», и сказали: «Если бедствие придет с неба, мы войдем в эти строения, а если оно придет с земли, мы подыдемся на них»¹²⁰.

Рассмотренный выше материал по оборонному башенному жилищу указывает на повсеместное распространение этой формы — при значительном территориальном отдалении друг от друга, в хронологически не совпадающее время, охватывающее период в 10000 лет (VIII тыс. до н. э. — XX в. н. э.). Само же появление укрепленного жилища происходит повсеместно в стадияльно совпадающие периоды, в обществах, находящихся на различных ступенях развития общинно-родовых отношений, в тех случаях, когда окружающая обстановка длительно враждебного характера вынуждает прибегнуть к эффективной защите.

Оборонное жилище, более чем какой-либо другой тип жилища, выявляет социальную основу, вызвавшую появление, исчезновение или длительное историческое существование этой формы. Наблюдаемая на всех континентах и островах однородность и параллелизм в планировочных и объемно-пространственных решениях оборонных селений и отдельных домов, отражая одностадийную природу этого явления, отнюдь не мешает проявлению и развитию местных, самобытных особенностей. Таким образом, становится ясным, что территориальная близость, общий этногенез, хронологические совпадения или несовпадения сами по себе не оказывают влияния на развитие жилища этого типа и только при условии одинаковых уровней стадийального развития перечисленные факторы могут сыграть существенную роль.

Необходимость заставляла отдельные племенные группы объединять жилые функции с оборонными. В каких случаях имела место конвергенция или диффузия — сложный вопрос, его решение зависит от изучения конкретных историко-географических условий. Если создание оборонных форм жилища может носить очаговый характер или являться результатом заимствования, то, как мы видели, возникновение необходимости в их сооружении всегда связано с ранней стадией социальной организации. Всюду, где появлялась необходимость в повседневной обороне, сооружали укрепленное жилище.

Метод сравнительного анализа древнего и реликтивно сохранившегося укрепленного жилища в отдельных случаях помогает воссоздать структуры древнего общества. Существование башенной формы жилища в доклассовых формациях в Евразии, Африке и доколумбовой Америке позволяет отвести значительно большую роль этому типу жилища (в местах его распространения) в формировании истоков монументальной архитектуры —

¹¹⁸ Мелетинский, Происхождение героического эпоса, стр. 6, 215—216; М. Я. Чиковани, «Амираниани». Грузинский эпос. Перевод с грузинского Г. Чикваидзе, Тбилиси, 1960, стр. 72—73, 83—87, 104, 157; Нарты, Эпос осетинского народа, М., 1957, стр. 27, 29, 39, 90—93; Беовульф, Старшая Эдда, Песнь о Нибелунгах, М., 1957, стр. 334, 339, 353, 414 — § 485—486, 437 — § 695; см. прим. 47.

¹¹⁹ Дж. Хоккинс, Дж. Уайт, Разгадка тайн Стоунхеджа, М., 1973, стр. 46—47.

¹²⁰ Абурейхан Бируни, Избранные произведения, т. I, Ташкент, 1957, стр. 35.

мемориальных, культовых, фортификационных, замковых, жилых и общественных сооружений многих стран. Так, например, оборонный характер культовых и дворцовых сооружений Шумера и Аккада своим первоисточником мог иметь укрепленные комплексы племен «потребителей башенной культуры». Появление этой формы в недрах родоплеменных общин объясняет одну из загадок истории — причину фиксации элементов оборонной архитектуры в древнейших поселениях задолго до появления протогородских и городских цивилизаций.

М. И. Джандиери

ANCIENT COMMUNITY TOWER DWELLINGS

by M. I. Dzhandieri

Community tower houses are among the most ancient types of dwelling. They arose among settled tribes in the kinship-community stage of social relations. Continual warfare made such fortification necessary in order to save clan, community and tribe from physical extinction and protect their accumulated wealth and their independence. In Hither Asia the fortified dwelling appears as early as the VIII—V millennia B. C. (Jericho, Chatal-Hüyük, Hasilar, Mersin, Tel-Arppacia). Representations of tower houses occur in pictographic signs of the Sumerian Jamdet-Nasr period, in early Egyptian hieroglyphics and in Hittite building inscriptions. The idea of the multi-storied dwelling is reflected in cuneiform texts from Mesopotamia, Syria and Asia Minor of the II millennium, in heroic epos and on monuments of predynastic Egypt and Hither Asia. Tower houses of the II millennium appear on islands in the Mediterranean. From the 6th century B.C. to the 6th century A.D. sources from classical antiquity tell of tower houses and fortified settlements «in the barbarian periphery». Reminiscences of the tower-house form have survived in several countries to this day. Their layouts and volume—space proportions have the authenticity of archaeological material, which makes them helpful in assessing the authenticity of historical data and reconstructing their ancient form. The need for fortified houses and settlements has arisen in various countries at various times, but always in comparable evolutionary contexts. They have been destroyed by states of all sorts, to survive only in geographically isolated regions or as a kind of symbiosis with centralised state power, usually when this power is on the wane. The occurrence of fortified dwellings in tribal-kinship communities, for example in Zimbabwe before Monomotapa or in pre-Columbian America, solves one historical riddle: the reason for the infiltration of defence elements in the architecture of many countries long before the appearance of proto-urban and urban civilisation, which latter was in its early stages influenced by still existing local centres of «tower culture».